

РАИМ
ФАРХАДИ

ПТИЦА
РАДОСТЬ—
ПТИЦА
ГРУСТЬ

Стихи, баллады, поэмы

*Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
Ташкент—1979*

Ув2
Ф 25

Художник МАРИЯ ЮКНЮТЕ

© **Издательство литературы и искусства имени
Гафура Гуляма, 1979 г.**

СНЫ ГОРОДОВ

* * *

*Мы — дети бетона,
Но в нас не из камня душа.
Тревожно,
Бессонно
Живет она, вечно спеша.*

*Средь шума и дыма,
Таинственна, озарена,
И так же ранима,
И так же, как раньше, нежна!*

*Зовут нас куда-то
Дороги, заботы, дела.
А тут — из асфальта
Травинка опять проросла.*

*Простая картина:
Травинка растет, зелена.
И тоже ранима,
И так же, как раньше, нежна.*

*Льет дождь монотонно.
Живем, этой травкой дыша...
Мы — дети бетона,
Но в нас не из камня душа!*

* * *

В жизни
Нередко бывает такое:
Встав на рассвете, вокруг поглядишь,
Кажется,
Крылья растут за спиною,
Ты не шагаешь уже, а летишь!

Если ты знаешь,
Что ждет тебя кто-то
Рядом и где-то на дальней тропе—
Благословенное чувство полета
Как неизбежность приходит к тебе.

Чувство полета,
Чувство полета
Дарит не только крыло самолета.

Если идешь по земле необъятной—
В городе,

на полустанке,
в селе.

По каменистой, песчаной, щербатой,
Самой загадочной,
Самой понятной,
По заповедной и милой земле.

Если из тучи выглянет солнце,
Если любимая вдруг улыбнется...

Малая малость нужна, ну всего-то—
Ветка сирени в окне расцвела.
Чувство полета,
Чувство полета.
Руки твои — два летящих крыла!

Степь вековая, шумящая сонно.
Мчатся машины, в дороге пыля...
Сажены крепкие до горизонта,
Тянутся в синюю высь тополя.

Знаю, с годами взлететь все сложнее,
Хмурится чаще небесная твердь...
И нарастает земли притяженье,
Все-таки надо решиться взлететь!

Если по сердцу простая работа,
Если живет неустанно забота
О красоте,
О душевном тепле —

Чувство полета,
Чувство полета •
Ты ощущаешь, идя по земле.

* * *

**Март — снежок и льдинок хруст,
А весна — в апреле.
Птица Радость, птица Грусть
Снова прилетели.**

**Не в садах и не в лесах
Песни распевают,
Птицы те в людских глазах
Гнездышки свивают.**

* * *

Сердце юное похоже на тюльпановый бутон:

Раскрываются тюльпаны—

над горами слышен стон.

Лепестками обагрилось,

поле вспыхнуло в крови.

Сердце юное раскрылось

для единственной любви.

Коротка пора цветенья—

невозвратная пора.

Где же лепестки?

Скрутила их безжалостно жара.

Сердце зрелое,

похоже на коробочку оно—

Семена цветов грядущих наливаются давно...

Треснет сердце, разорвется,

все разломится до дна—

И по свету разлетятся золотые семена!

Сердце старое похоже

на густой средь гор туман,

Что плывет и вспоминает

расцветающий тюльпан.

ПРИРУЧЕНИЕ ОГНЯ

Человек — он приручал Огонь.
Приближал к нему свою ладонь...
В Небе Тайн мерцали знаки Зодиака.
А у ног — визжала весело Собака.
(Век назад он приручил ее.)
Колесо крутилось. Бытие
В колею привычную входило,
Иногда костер дымил уныло,
Слушаться, капризный, не хотел.
Человек придумал Самострел.
Камнем колья в Землю вбил сурово.
Замычала во дворе Корова.
Ей готовы сено и питье.
(Год назад он приручил ее.)
Над костром вдруг поднималось Пламя.
Слизывая сучья языками,
Обжигал Огонь ему глаза.
Вырывался. Убегал в Леса.
Ссял в Поле человек Пшеницу.
Приручил неведомую Птицу.
Грыз удила белогривый Конь.
В очаге потрескивал Огонь.
Рядом с ним, теплом его согретый,
Человек разглядывал предметы,
Слушал плеск ручья и птичий крик,
А затем придумывал Язык,

Был язык его невнятен, беден,
Но уже всем близким и соседям
Мог он объяснить: «Огонь — мой Брат,
Вместе с ним я вас приветить рад!
Он еще строптив и непослушен
И за ним уход особый нужен.
Но поймите это существо.
Проходите, Гости, не робейте,
Руки, стоя у Огня, погрейте,
Я держу на привязи его».

* * *

Недалеко в горах
Раскатистое эхо.
О, как давно
Не слышал я его!
Что стоит — взять билет,
На поезд сесть, уехать?
Откладывают вновь.
Не еду. Отчего?

Как тысячи ручьев,
Мне эхо отвечало,
И тополь шелестел,
И грохотал гранит—
А если там, в горах,
Все по-другому стало...
Я крикну, а в ответ
Природа промолчит!

* * *

Знал женщину. Когда она смеялась,
То за углом всегда ждала беда,
Тепло внезапной стужей сменялось,
Синели на цветах крупы льда.

Знал женщину. Когда она смеялась,
Сквозь тучи пробивались в миг лучи,
Весна в просторы наши возвращалась,
Звенели птицы, с гор текли ручьи...

ЗЕМЛЕВРАЩЕНИЕ

Кружится, кружится
Наша Земля —
Гнутся, шумя на ветру, тополя.
Птицы летят. Опадает листва.
Кругом, все кругом идет голова!..

Рядом была ты, почти предо мной,
Облаком светлым прошла стороной.
Шли мы навстречу... Да вот не учли
Этой стремительной силы Земли.

Древней Земли
Центробежная сила
В разные стороны нас относила!

В поле ромашка цвела, отцвела —
Ветру свои лепестки отдала.
Ветру потеха. Их ветер унес.
Плакала тихо ромашка без слез.

Кружится, кружится
Наша Земля.
Кружевца, кружевца —
Реки, поля.
Белое поле. Река голуба.
Кругом, все кругом идет голова...

**Рядом была ты, почти предо мной,
Облаком светлым прошла стороной.
Шли мы навстречу... Да вот не учли
Этой стремительной силы Земли.**

**Древней Земли
Центробежная сила
В разные стороны нас относила!**

КАК НАРИСОВАТЬ КОНЯ

Дочка спрашивает у меня :

— Папа, как нарисовать коня?

Достаю с книжной полки альбом

А в альбоме — массивный конь.

На скале картина открыта.

Ясно, живопись неолита.

Соплеменники в шкурах бычьих.

Напряженно летит стрела.

Объясняю. Дочка мала.

— Рисовать будем лучше птичек!

Дочка спрашивает у меня :

— Папа, как нарисовать коня?

Достаю с книжной полки альбом,

А в альбоме — нелепый конь.

Из жестянок и перемычек,

Керамита и оргстекла,—

Что сказать ей? Дочка мала.

— Рисовать будем лучше птичек!

Дочка спрашивает у меня :

— Папа, как нарисовать коня?

Объясняю: уши коня —

Два равнобедренных треугольника...

Голова — усеченный конус. Вот так.

Головище цилиндрическое.
Круп шаровидный. Ноги...
Трапецевидные..
Вот и конь — в натуральном виде!
Дочка слушает. Не в обиде.

Все как будто бы понимает.
Смело кисточку поднимает.
Придвигает ближе тетрадь.
Начинает коня рисовать.

БЫТИЕ

*Чередование ночи и дня приносит
забвение горя.*

Древнеиндийская мудрость

Великий Круг вращает времена.
Та истина древнейшая верна:

— Чего ждешь, юноша?
Чем очарован ты?

— Жду вечера.
Жду звездной темноты.
Свиданья жду
с возлюбленной своей —
Жаль, мчится ночь
мгновения быстрей!..

— Старик, опять не дремлешь ты
в ночи...

Вот-вот погаснет
огонек свечи...
Застыв пред ним,
скажи, чего ты ждешь?
Мгла черная
тебя бросает в дрожь.

— Мне глаз сомкнуть
жестокое не дает
Колдунья-ночь,
что ходит у ворот...

**Жду проблеска,
жду наступленья дня —
Ночь вечности длиннее для меня.**

**Та истина древнейшая верна.
Великий Круг вращает времена.**

* * *

Одна любовь умрет,
Взрастет другая,
Проснется — в том же сердце
И в глазах,
Как дерево возникает,
Расцветая,
И прежнюю любовь
Развеет в прах.

Но ощутим,
Но мы постигнем вкоре,
И мысль пронзит,
Как древнею стрелой,
Что в нас растут,
Еще тревожат корни
Любви былой...

И в глубине,
Дурманя, бродят соки,
Гудят, не затихая
Ни на час.
Беспомощны они,
Но и жестоки:
Питают нас,
Они пытаются нас!

**Мы ощутим все жарче,
Все бесспорней,
Окружены
Густой вечерней мглой,
Что в нас растут,
Что нас тревожат корни
Любви былой...**

* * *

Иногда,
Иногда,
Иногда
Засыпают в ночи города,
Необычных видений полны:
Снятся улицам синие сны.
Снится поле.
И снится река.
И плывут над рекой облака.
Фонарям снится яблони. Сад.
А в саду — листопад. Листопад.
Снится городу миг тишины —
До чего же короткие сны...
Спит на площади серый гранит,
И во сне его — роща шумит.
Ночью снится асфальту трава.
Снится окнам — озер синева.
И скользят не машины тогда,
А бредут к водопою стада.
Улыбается город светло,
Снится городу детство: село.

«СКОРАЯ ПОМОЩЬ»

* * *

*Ты проснись и в окно посмотри:
К дому вновь подъезжает «ноль три».*

*Проплывающие среди мглы,
Так тревожно халаты белы...*

*В лихорадочном, горклом дыму
Очень плохо кому-то. Кому?..*

*Кто-то бодрствует ночь напролет,
Кто-то стонет и помощи ждет.*

*Или это — войны инвалид,
Иль у матери сердце болит...*

*Дом огромный тревог и забот.
Многоликий живет в нем народ.*

*Дом — антеннами ввысь, в синеву.
Да и сам я в том доме живу.*

*Ночь. Притушены чуть фонари.
У подъезда дежурит «ноль три».*

*Отъезжая, одна прошуршит,
Ей на смену другая спешит.*

*Неустанно сигналит в пути,
Все надеясь кого-то спасти.*

*И на красный торопится свет,
Даже если спасения нет.*

* * *

Живет на свете человек,
Не ищет выгод,
Который год, который век
Он ищет Выход.

Из небытья. Он рвется вновь
В огонь, в сраженье.
Из нелюбви своей — в любовь,
В преображенье.

Фантаст. Он строит дивный мост
С земли до неба.
Рукой коснуться хочет звезд.
И это — кредо.

Круг солнечный над головой.
Есть хлеб. Жилище.
Скрыт где-то ключик золотой...
Его он ищет!

Он ищет потайную дверь —
Где та картина?..
В пучине бедствий и потерь
Он — Буратино.

Он медленно выходит из
Оцепененья,

**Когда собьет лепной карниз
Землетрясенье.**

**Гудит земля в руках творца,
И слабым — дурно.
Он видит контуры Дворца
В начале штурма.**

**Беспечен. Юн.
И мрачен. Стар.
Глаза навькат.
Он ощутил — что здесь пожар,
Он ищет выход.**

**Он мчит из двери в дверь, трубя,
А комнат — тыщи.
Он ищет самого себя,
Тебя
Он ищет.**

**Бьет кулаком.
Но там — бетон.
Кровь струйкой льется...
Он падает и стонет он,
Но не сдастся!**

**И мы пока его пути
Не подытожим.
Он хочет все-таки найти,
Найти он должен.**

* * *

На полях моей тетради,
Я прошу вас, поскорее
Нарисуйте, бога ради,
Заповедные деревья...
То ли клены, то ли вязы,
То ли тонкие осины.
Зелены и долговязы,
Как подростки, некрасивы.
Нарисуйте тонкой кистью,
Можно раньше — до апреля,
Пусть пока еще без листьев,
Заповедные деревья!
Деревца земной надежды
Спят под снегом, розовея...
Их не срубят и не срежут,
Не иссушат суховеи.
Деревца в рассветном дыме
Нарисуйте, не робея...
Верю, вырастут большими,
Станут взрослыми деревья.
Пусть они помогут людям
К свету вешнему стремиться.
И шуметь листвою будут
За пределами страницы.

* * *

Вот так бывает иногда:
Обычный снимок моментальный
Запечатляет на года
Веселый взгляд или печальный.

И мы когда-нибудь потом
В семейном стареньком альбоме
Ту фотографию найдем
И вспомним о былом, о доме.

Сквозь пожелтевшее стекло,
Как бы в осеннем отраженье,
Увидим детство, что прошло...
Лица заметим выраженье.

Увидим тех, которых нет,
Что унеслись в иные дали...
Друзей узнаем давних лет,
Себя увидим — в идеале.

Как изменились мы с тех пор:
Мячи цветные и тростинки...
Шутливо детства приговор
Прочтем на пожелтевшем снимке.

**И в оправдание придет
Мысль, обозначенная тонко,
Что где-то в нас еще живет
Мальчишка тот и та девчонка.**

**Увидим все, что утекло...
Заметим слабое движенье
Сквозь пожелтевшее стекло,
Как бы в осеннем отраженьи.**

* * *

На улицах такая теснота :
Авто, велосипеды и трамвай...
И если ты, дружок, попал сюда,
Шагай порасторопней, не зевай!

На улицах такая теснота —
Плечом к плечу спешат куда-то вдаль
Смешной юнец и древняя чета,
Смазливый чистоплюй и старый враль.

На улицах такая теснота...
Живой поток, текущий без конца.
Входя в него, мы слышим неспроста
Нам чем-то очень близкие сердца...

На улицах такая теснота —
И в будущем уменьшится едва ль
Нарядов и покупок пестрота.
Здесь ярок май, здесь шумен и февраль.

На улицах такая теснота :
Машинами забита магистраль.
И здесь, в толпе, под куполом зонта
Идут, обнявшись, Радость и Печаль.

На улицах такая теснота.

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНС

Прощальный зов последнего трамвая.
И за витриной поздние цветы.
Ночным дождем умыта мостовая.
Шла Ты. (Тысячекратное: шла Ты.)

Полусвета, вокруг огни мерцали.
Ты шла одна и пряталась в тени.
Твои глаза пылали, но едва ли
В них отражались редкие огни.

В них было все — безумный гнев и жалость,
Укор и боль, и горечь немоты.
В твоих глазах не гасли, отражаясь,
Тобой одной сожженные мосты.

ПРИТЧА О СЧАСТЬЕ

Легкое счастье — это не счастье.
Это на первый случай удача.
Кем-то решенная верно задача,
Ты же к решению ее не причастен.

Легкое счастье — ловкое счастье,
Хитрость, которая вроде обмана,
Что раскрывается поздно иль рано...
Легкое счастье — пора с ним прощаться.

В жизни пути выбирают не часто.
Молоды вы — с этим надо считаться,
Вы же не глухи — хочу докричаться:
Я вам жела-а-ю
 тру-удного
 сча-а-стья!

Легкое счастье — это несчастье.

БОЛЕЗНЬ ДРУГА

Памяти Рауфа Галимова

Из костей вымывается кальций.
Милосердья не жди от недуга.
Стали вдруг неподатливы пальцы...
Я гляжу с содроганьем на друга.
Как томится в ночи, как страдает.
В сердце — боль, разоренье, разруха.
И хотя, словно льдинка, он тает,
Не теряет присутствия духа.
Запретили врачи улыбаться,
Можно только чуть-чуть, осторожно...
Постоять у окна, отдышаться,
Но дышать глубоко невозможно.
Он газету берет. Он читает.
В курсе всех новостей и событий.
Волноваться врачи запрещают.
Отвечает он им: «Извините!»
Он сжимает холодные губы,
Водит жестким пером, не сдаётся,
В сердце друга глубокие гулы...
О, как молодо сердце то
бьется!

Можно жить не терзаясь, не мучаясь,
Не тревожась и не беспокоясь,
Принимая последнюю участь.—
Но тогда вымывается совесть.

ВОЛШЕБНАЯ РЫБКА

Раз поймал я волшебную рыбку.

А она мне:

— Чего тебе надо?

Я промолвил:

— Да мне бы улыбку,

Мне б ответного нежного взгляда.

Удивилась волшебная рыбка.

И слышалось волн колыханье.

Рыбка тихо:

— Со мной не шути-ка,

Загадай мне другое желанье.

А не хочешь дворца, где палаты

Из сапфира и дверь изумрудна,

Золоченые ставни крылаты?..

Мне такое исполнить не трудно.

Ты скажи мне, чего тебе надо?

Попросил я, вздыхая глубоко,

Чтоб не жгла меня ночью досада,

Что друзей растерял я до срока.

Помрачнела волшебная рыбка

И волной меня хладной достала.

Отдалилась в печали великой,
Исполнять то желанье не стала.

— Ну скажи мне, чего тебе надо,
Что исполнить я все-таки в силе?
— Мне услышать бы шум листопада
Тех деревьев, что летом срубили...

Отшатнулась волшебная рыбка
И на гребне девятого вала
Задохнулась от скорбного крика
И в пучине глубокой пропала.

* * *

Бегу куда-то, тороплюсь,
Что это?
Минус или плюс?
А на исходе век двадцатый...

На городских часах
Распятый,
Я жду тебя.
Тебя все нет.
Тебе — шутнице — двадцать лет.
А на исходе — век двадцатый.

Не твой избранник, а другой,
Пока отвергнутый тобой —
Немного смутный,
Угловатый.
А на исходе век двадцатый.

Письмо мое придет назад
С пометкой: «Выбыл адресат».
Ответь,
Уехала куда ты?
А на исходе век двадцатый.

Сжигаешь запросто мосты,
И переходишь с «вы» на «ты»,

Как будто в чем-то виноватый...
А на исходе век двадцатый...

Какая ширь,
Какая высь —
Нам не сойтись,
Не разойтись.

А шар земной голубоватый.
И на исходе век двадцатый!

Куплю я сборник наших лет,
Скажу: «Спасибо, друг Поэт,
Тебе за то, что не солгал ты».
А на исходе век двадцатый.

Продолжу с другом давний спор.
Спрошу я, выйдя в коридор:
— Кто мы?
Творцы или солдаты?
А на исходе век двадцатый.

Цветет на улицах сирень.
Возьму букет.
К тебе скорей
Помчусь, как пламенем объятый.
А на исходе век двадцатый.

* * *

Мертвый ельник.
Лес — горельник...
Он похож на поле битвы
Незапамятных времен.
Крик картавый и молитвы
Черных, плачущих ворон.
Это что же?
Отчего же?
Мгла обугленных стволов...
И слова сгорели тоже,
Не осталось больше слов.
Я застыл, оторопел,
Пред руинами дерев.
Лес истлел давно,
Когда-то,
Неизвестна точно дата,
Пять иль семь годов прошло.
Но земля, морозцем сжата,
Пахла дымом горьковато.
Шло зловещее тепло...
Что-то тлело.
Что-то жгло.

✧ * *

Говорят, что мы стали добрее.

**Но тогда погрузите со мной:
Отчего молодые деревья
Не проснулись минувшей весной?..
Да! Трещали морозы ночами.
И стволы на снегу полегли...
Но тогда отчего мы молчали,
Замерзающих их не спасли?!**

Говорят, что мы стали добрее.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Лесное озеро, лесное...
Манящее голубизною,
И чистотой, и глубиной —
Лесное озеро, лесное,
Секретом поделись со мной,
Как ты стоишь тут без опаски,
Ласкаемая ветром гладь,
Без страха стать трясиной вязкой,
Болотом квакающим стать?
Лесное озеро, лесное,
Игривый излучая свет,
Волной плеснуло озорною,
Смеясь, промолвило в ответ:
— Ужели, друг, скажи по чести,
В тени ветвистых берегов
Ты счел, что я топчусь на месте
Для отраженья облаков!
Весной в меня ручьи впадают,
Бурлят снега и льдины тают,
Ключи глубокие питают,
Круша губительный покой.
И чтобы стать самим собою,
Восстать над мерзостью любою,
С какою радостью и болью
Я от себя бегу рекой!

Тюмень—Тобольск, 1972

ПРЕДОСЕННИЙ СОНЕТ

Наполовину желтый лист —
Прожилки тонкие видны...
Он зелен был и серебрист
В начале радужной весны.

Он прорастал в краю родном
Средь светлых гроз и гроз-тревог.
Его горячим летним днем
Касалась пыль степных дорог.

Он песни пел в родном краю.
Пред ним в раздумии стою.

Дожди прошли и воздух чист...

Наполовину желтый лист
С высокой ветки достаю —

И вижу ясно жизнь свою.

* * *

Ночью, будто просясь на ночлег,
Человек в нас кричит, человек.
Он стоит на ветру, а слова
Опадают, как будто листва.
И, кружась, стороной пролетают,
И в синеющем воздухе тают...
Уставая от бед и невзгод,
Он, как мамонт, по снегу бредет.
Вдруг рванется — и падает в снег...
Человек в нас кричит, человек.
Дым волос его пыльных клубится.
А глаза — исчезающей птицы.
Кто он — бьющий нещадно в набат—
Чей-то друг, чей-то враг, чей-то брат...
Не смыкающий сумрачных век,
Человек в нас кричит, человек.
Начинаем усердно спасать
Горы, степи, долины и реки,
И прозрачных небес благодать...
Но подумаем о Человеке.

СОРОК ПЕРВЫЙ ГОД

Сколько раз
Я себе представлял:
Сорок первый.
Прощанье. Вокзал.

Это было совсем не со мной,
Я еще не родился тогда.
Но как будто волною взрывной
Задевает меня
Та беда.

Лишь качнется в июне листва,
Повторяю отцовы слова:

«Я вернусь
Неприменно
Домой,
Ты мне письма пиши иногда...»
Это было совсем не со мной,
Отчего же в глазах —
Те года?..

Тонут в море людском голоса.
Застывает дорогу слеза...

Город улиц вчерашних и крыш.
Мостовая. Перрон. Толкотня.
В платье ситцевом рядом стоишь —
Ты на фронт провожаешь меня.

Ты не знала тех огненных дней,
Родилась ты намного позднеей.

Но опять, беспокоясь, любя,
С неизменной шепчешь мольбой:
«Буду ждать
Днем и ночью
Тебя,
Поскорей возвращайся домой!..»

Все как будто бы передалось,
Опалив, озарило светло,
Долетело, пронзило насквозь,
Кровью в самое сердце вошло.

СОЛДАТСКАЯ БЕРЕЗА

В чистом поле стоит обелиск.
Над плитой — синеокая высь.
И еще там — березка одна.
Кем-то будет солдату она?..

К той плите вдруг неслышно прильнет.
То ветвями уйдет в небосвод.
То береза бела, то темна —
То ли мать, то ль сестра, то ль жена...

Шепчет в поле береза листвою:
— Мой любимый, единственный мой...
Не чужая солдату она —
То ли мать, то ль сестра, то ль жена...

Под плитой спит солдат удалой,
По годам был, видать, молодой.
Стоя здесь, постарела она:
Мать-береза, сестра иль жена...

В чистом поле стоит обелиск.
Над плитой — синеокая высь.
Да одна, что навеки верна —
Мать-береза, сестра иль жена...

**И вновь касаются их руки
Родных святынь.**

**Исходят светом негасимым,
Живым огнем
Сухой песчаник, и суглинок,
И чернозем.**

**Стоят леса. Темнеют пашни.
Поля страны.
Не только мы —
И земли наши
Породнены!**

ЗАПОВЕДНИК

* * *

*Не разлюблю я небо это —
В плывущих сизых облаках,
В разливах голубого цвета,
В снежинках или в лепестках.*

*Погоже. Пасмурно. Дождливо.
Когда грозой обазрено.
Величественно и красиво
И смысла вечного полно.*

*То все в лучах, то вдруг печально,
То близко так, то далеко...
В нем—звезд мерцающая тайна.
То с ним так тяжело, то легко...*

*Не разлюблю я небо это
Все в белоснежных парусах—
Увидел я его не где-то,
А на земле. В твоих глазах.*

* * *

Узбекистан!
Узбекистан —
Степной, долинный, горный.
Ты — книга жизни,
Ты — дастан,
Звучащий, рукотворный.

Весной цветеньем обуян
И многоцветный в осень,
Раскрытый щедро дастархан,
Что мы гостям подносим.

Узбекистан,
Узбекистан —
Упорный, добрый, сильный,
Ты — богатырь Фархад, Рустам,
Прошедший
Сквозь пустыни.

Исполнены твои следы
Волшебного сиянья:
В песках возвращенные сады
И голубые зданья!

Узбекистан,
Узбекистан —

**Сегодняшний, грядущий,
Людского счастья караван,
В пути не устающий.**

**Сады, травинки и ручьи,
И города, и реки,
И люди гордые твои
В моей судьбе —
Навеки.**

РЕКА

Волга —
Русская речь полноводная,
Величавым теченьем
Свободная,
С берегами широкими речь.
Что мутить,
рыб травить взяли моду мы,
Сами пьем
и поем эту воду мы,
Не сегодня, не завтра ей течь...
Эти волны могучие, гордые,
Эти древние поймы просторные,
Каплю каждую надо сберечь.

* * *

Природа, нас взрастившая...

Современник, ты — мой собеседник,
Чем встревожен, молчишь отчего?
Приглашаю тебя в Заповедник,
Ты входи без боязни в него!
Здесь ручей самый чистый струится,
Здесь листва не устанет шуметь.
Здесь поют полным голосом птицы,
Ест горстями малину медведь.
Все вокруг говорит о доверье—
Светлый лес с островками цветов,
Не боятся здесь птицы и звери
Человеческих громких шагов.
Ты не держишь за пазухой камня,
Из кармана не вытацишь нож,
Не поставишь силка и капкана,
Лося ты никогда не убьешь.
Вот растет горицвет. Вот — бессмертник.
Это — мятлик — неброский цветок.
Приглашаю тебя в Заповедник,
Выпей влаги студеной глоток...
А отсюда ты выйдешь добрее,
Мир зеленый всем сердцем любя,
И до самой дороги деревья,
Как родного, проводят тебя.

АПРЕЛЬ, МАЙ...

Лишь закончится апрель,
Унесет свою свирель,—
Месяц май опять завьюжит,
Забелеет и закружит.
Лепестковая метель,
Месяц, словно карусель—
Май!
Ай!
В мае сладко маяться
В подвенечном платье.
Май медовый,
Май бедовый.
Ночи синее крыло.
Губы алые свело.
Месяц — аист длинноногий.
Поглядишь — а на пороге:
Тридцать первое число!

* * *

Мечтал я в детстве свой построить дом
На дереве раскидистом, густом,
Почти у неба — и из досок мост,
Чтоб, встав на нем, плечом коснуться звезд!
Я взял гвоздей. Две досточки прибил.
Дом скоро бы уже построен был.
Просил — увы, не дали досок мне,
Они нужнее были на Земле!
Взрослеем. Детство тает, словно дым,
Все скачет за спиной конем гнедым.
Постигли мы превратности орбит,
Наш звездолет в бескрайности летит.
И бредя звездной дикой высотой,
Живем все той же детской мечтой.

СКАМЕЙКА В ПАРКЕ

А. П. Межирову

Парк. Скамейка эта
Старости обитель.
Вечно возглас чей-то:
— Здравствуйте, учитель!
Подойду украдкой.
— Здравствуйте, учитель...
Вот моя тетрадка,
Вы ее прочтите.

На исходе четверть.
Вот мои заметки.
Надо бы проверить,
Выставить отметки.
Вы уж извините —
Вырваны листочки.
Столько дней, событий...
Точки. Точки. Точки.
Я писал когда-то
Так, без адресата.
А порой писалось
Так же, как дышалось.
Это и осталось,
Это и осталось.

Вы судите строго,
Как тогда, учитель,

Только, ради бога,
Почерк мой простите!

Надо бы проверить...
На исходе четверть—
То ли четверть года,
То ли четверть века.
В парке возле входа
Старая скамейка.

— Здравствуйте, учитель!
Что же вы молчите...

Головой качает
Он в лучах заката:
— Милый, не читаю,
Зренье плоховато.

* * *

Домой приеду к осени.
Легко шумят сады.
Хлеба повсюду скошены.
Все собраны плоды.

Сойду на тихой станции
И полем — по стерне.
А руки так и тянутся,
И так охота мне

Сыскать один оставленный
Случайно колосок,
Услышать голос яблони:
— Приехал наш сынок...

Еще арбузы грузные
Везут грузовики.
Желтеют кукурузные
Простецкие платки.

Застыну оробело я
Под сенью тополей.
И горы хлопка белого
Увижу средь полей...

Осенних листьев ярмарка
Окончилась давно.
Но вдруг на ветке яблоко
Замечу я одно.

Пунцовое, хрустящее,
Все в отсветах зари.
Живое, настоящее—
Бери его, сорви!

А яблоня озяблая,
Как мать душой светла.
И для меня то яблоко
Она приберегла.

Растает утро дымное—
И вся земля видна...
Есть у меня родимая,
Родная сторона!

Г О Д Ы

Заревые вы мои годы!
Озорные вы мои всходы...
Вот иду я — молодой, гордый.
Голубеют надо мной своды.

Улыбнулся мне в пути кто-то.
Годы — чувства высоты, взлета!
Годы — голуби мои, стаи —
Годы *по*лем золотым стали.

Годы — ливень разбитной, жаркий,
Годы молнией летят яркой!
Полуденные мои годы,
Пароходы вы мои — годы!..

Листопадные мои дали...
Годы снегом вековым стали.
Все короче мчатся дни, горче...
Годы, годы вы мои — ночи...

Ах, как звездно на земле... Звездно!
Ах, как поздно на земле. Поздно...

НЕОКОНЧЕННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Одна строка. Такая малость.
Найти и зачеркнуть опять.
Мне оставалось, оставалось
Одну лишь строчку дописать.

Была весна. И свет струился.
И вот из-за одной строки
Шумели на деревьях листья—
Черновики, черновики.

Под знойным солнцем сад пылился
И зерна делались крепки,
Грубели на деревьях листья—
Черновики, черновики.

Среди стволов туман клубился,
Мутнели осени деньки.
Желтели на деревьях листья,
Как старые черновики.

Найду строку. Уверен в этом.
Придет апрельское тепло.
Ну, а пока глубоким снегом
Стихотворенье замело.

ДУША ЯНТАРЯ

А когда-то янтарь был сосною,
Был смолой,
Был слезою сосны.
И, скользнув терпкой каплей густою,
Пал на травы в зеленые сны...

А затем легкой бабочкой белой
В желтой смолке пропала зазря,
Сто веков никуда не летела,
Потемнела душа янтаря.

* * *

Древняя чинара
Широка, крепка.
Путь свой начинала
С малого ростка.
Зимы голубые,
Отсветы весны,
Беды вековые
В ней отражены.
Явственно гуденье
Слышится корней,
Словно в отдаленье
Смелый бег коней.
Дальние пожары,
Пыль дорог былых
В памяти чинары,
В кольцах годовых.
И стоит над кручей
Тыщу лет она.
Ствол прямой, могучий,
А листва юна.
Солнца луч над веткой—
Вот он мой исток,
Я чинары этой
Маленький листок.

* * *

**А человек, действительно,
Растение, растение...
Такое настроение —
Весеннее, весеннее.**

**Закружат ветры-соколы,
Когтями — в небо синее:
И нет тебя высокого,
Веселого, красивого.**

**Листва, грустя, закружится...
Туманная, багряная.
Занует, занедужится.
Проснется рана давняя.**

**Такое настроение —
Осеннее. Осеннее...
А человек, действительно,
Растение, растение!**

ПОВИЛИКА

На грядках, посмотри-ка:
Лишь чуть видна сперва,
Желтеет повилика —
Ненастная трава.

Ботву схватила с дрожью
И клевер молодой,
Скрутила подорожник,
Подсолнух золотой.

А дальше — все заметней
Ползет, шипя, трава,
Ползет она, как сплетни,
Как скользкая молва...

Она спустилась с горки,
Как сеть, переплелась.
И до полыни горькой
Тихонько добралась.

Заветные тропинки
Связала в узелок.
Как знак беды великой
Пришла на наш порог.

**В жестокой злобной силе
Трава была страшна.
Ее мы не растили,
Сама взошла она...**

**Цветок раскрылся белый,
Его оборвала,
Ростка не пожалела,
Спалила все дотла.**

* * *

О чем говорят нам деревья?
Под снегом,
 в цвету,
 в листопад—
Они говорят о доверье,
Они о добре говорят.

ПОСЕЛОК НА БАМЕ

* * *

*Поселок Звездный
Где-то там,
В таежной пуще...
Где молодые строят Бам
Грядущий!*

*В глазах—огонь,
В сердцах—огонь,
На елях иней...
А звезды—
Каждая с ладонь
Над ними!*

*Так ощутим
Лучистый свет
Морозной ночью...
А звезд холодных
В мире нет,
Ведь точно?!*

*И согревают
Звезды те,
Их очень много...
И чуть мерцает
В темноте
Дорога!*

*Поселок Звездный
Где-то там —
Мелькают версты...
И помогают
Строить Бам
Те звезды.*

*Видны —
Порывисты, нежны —
Меж облаками,
Как будто
В небе зажжены
Руками!*

АЭРОПОРТ

**Гул самолетов улетающих,
Неоновые всплески света,
И—
звон хрустальный
льдинок тающих
Из девятнадцатого века.**

В ЗАЛЕ ОЖИДАНИЯ

Мы в зале ожидания.
В руках у нас билеты.
Одеты по-весеннему,
По-зимнему одеты.

У всех дорога дальняя:
Одним лететь на Север.
Другим — на отдых к Черному—
По пляжам да музеям.

Мы в зале ожидания.
Мы снова ждем погоды.
Здесь коротаем ночи мы,
Встречаем здесь восходы.

Что нам сулят синоптики—
Какие перемены?
Какие дарят новости
Нам чуткие антенны.

Мы в зале ожидания—
Мы все куда-то едем.
Под крышею просторною
Мы вроде бы соседи.

**Вновь рейсы отменяются.
Понятная досада.
Присядем поудобнее
И будем ждать до завтра.**

**Мы в зале ожидания
И сон у нас не крепок.
Ведь скоро пробуждение
Цветов и шумных веток!**

**В снегу площадка взлетная.
А с неба сыплет крошево...
Мы в зале ожидания
Чего-нибудь хорошего.**

ДОНЕЦКАЯ КРИНИЦА

Наклониться
Над криницей,
Зачерпнуть...
Ей нет цены—
Как сладка,
Чиста водица,
Что течет
Из глубины!
Так же слово,
Так же слово
Вдруг пробьется
В миг один
К нам из сердца
Из людского,
Из таинственных
Глубин...
И спасет
От жгучей жажды,
От печалей,
От обид.
И утешит
Не однажды,
Боль уймет
И исцелит!

* * *

Напишу — обещала
Напишу, напишу...
Городского вокзала
Нестихающий шум.

График времени жесткий:
Дни тревог и побед.
Мы с тобой — почти тезки
По любви, по судьбе!..

Далеко, недалече,
В синемгле, в синеве—
Это надо же, встречу
В многолюдной Москве.

Дует ветер весенний,
Он порывист и свеж.
Перекресток сомнений.
Перекресток надежд.

И на том перекрестке
Говорю я тебе:
Мы с тобой — почти тезки
По любви, по судьбе!..

* * *

Попробуй сладить с тишиной такую:
В открытом поле возле трех берез,
Где и поныне слышен отзвук боя,
А в синем небе — отзвук давних гроз...

Попробуй сладить с тишиной такую.

Мы поименно вспомним всех героев,
Всех опаленных яростным огнем.
И в дни торжеств и в буднях новостроек
Их имена, как знамя, пронесем!

Попробуй сладить с тишиной такую...

Поля, просторы матери Отчизны—
На тыщи километров, тыщи верст...
И свет струится, свет струится чистый
Звезд обелисков, негасимых звезд.

* * *

Как ощутимо притяженье!
Когда с космических высот
Пойдет кабина на сниженье—
На землю космонавт сойдет.
Робея, ступит на тропинку
И снова учится ходить,
На муравья и на былинку
Боясь случайно наступить.
Он слышит шум и воркованье
Речной воды, лесных ветвей
И осторожными глотками
Пьет воздух Родины своей!

ГОРА

Иногда не знаешь, почему
На плечах тяжелая гора...
Зла ты не свершал, но никому
Не успел ты сделать и добра.
Нелегко порою, мудрено
Всякой суетою пренебречь,
Дело доброе свершить — одно—
Там, глядишь, гора скатилась с плеч.

ПОДКОВА

Сегодня непросто подкову найти.
Сегодня подкова — старинное слово...
Но я пожелаю вам счастья в пути,
Надежного друга, коня вороного.

Ах, искры, летящие из-под копыт!
И звездная трасса легла не напрасно.
А где-то тропинка — начало орбит
У отчего дома увидится ясно...

Припомню, как в детстве бежал я по ней,
И встав на рассвете в степном разноцветье,
Умытую струями теплых дождей
В густом черноземе подкову заметил...

Кто был этот всадник, что канул, промчась?
Сквозь пламя заката умчался куда-то...
Веков открывалась суровая связь,
А жизнь оставалась единственной платой.

И снова над степью круженье орла.
И слышится топот. И годы торопят.
Сгибаясь, подкова в себя вобрала
Падений и взлетов бесценнейший опыт.

Конь скачет быстрее. Теперь он летит.
Дорога без края. Конь мчится, играя.
И, небо пронзая в полете, горит,
Как будто неведомый метеорит,
И степь не отринет его, расцветая.

Мы гнали коней, не жалея подков,
В манящие дали,—и дале, и дале...
Чтоб дети и внуки высоких веков
Подковы на счастье в пути поднимали.

БАЛЛАДА О ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

**Кто выдумал, что будто мы
Коммуникабельности чужды?
Ах, философские умы,
Все ваши вечные причуды!**

**Да вам ли этого не знать:
Когда стоишь у перехода,
Внезапно хочется сказать:
Какая славная погода!**

**В такси к шоферу пристаем,
В метро и в тесноте трамвая,
О чем-то личном, о своем
Беседу с ближним начиная.**

**Бывает дел неprovорот,
Встречаемся на перепутьях,
Неистребимая живет
Потребность высказаться в людях.**

**Вот человек в пучину вод
Нырнет со скалы отвесной.
Услыша голос неизвестный,
Он, руку протянув над бездной,
Пройдет, рискуя, и спасет.**

**Междоусобицы долой!
Зачем бессмысленно таиться,
Своею радостью, бедой
Хочу с тобою поделиться.**

**Своей надеждою одной,
Своей любовью безответной,
Улыбкой, удалью шальной,
Последней песней, недопетой...**

**Звучит — и надо уловить:
Не затыкайте ватой уши,—
SOS —не на море, а на суше
Намного чаще может быть.**

* * *

Когда уходит Доброта
От человека,
Теряет мир свои цвета
И сохнет ветка.

Мелеют реки, чахнет луг,
Лес изнывает,
Кусты, деревья — все вокруг
Заболевает.

И медлить более нельзя,
И ждать событий,
И если вы ему друзья,
Врача зовите.

Весной бросает в летний зной
И в холод лютый —
Режим постельный и покой
Сию минуту.

Иначе будет жар и бред
Цветений зимних.
И наступленье новых бед
Неисчислимых.

В глазах угасших пустота,
Ни искры света—
Когда уходит Доброта
От человека.

Недогогаем. Я и ты.
И знать резонно:
Болезнь «потеря Доброты»—
Инфекционна.

* * *

Поклоняемся звездному долу—
А иного не может и быть,
Но тропинки к родимому дому
В беспредельности не позабыть.

Хоть откуда видна та тропинка:
Дождь прошел и мерцают следы,
И на травке любая росинка
Светит ярче полночной звезды.

* * *

Мать писем от сына все ждет,
Как ночью в ненастье рассвета.
Хоть редко письмо, но придет,
Спасибо сынку и за это.

Сыновье письмо-то всего—
Листок, а порой пол-листочка.
Возьмет она в руки его,
Как раньше младенца-сыночка.

Присядет. И станет читать,
Как будто баюкать весь вечер.
Склонится усталая мать
И сердцу немного полегче.

Закат догорит за рекой.
Длиннее становятся ночи...
А сын далеко-далеко,
А письма — короче, короче.

ДВЕ БЕРЕЗЫ

Стоит береза белая,
Зарей позолоченная,
А рядом с нею, бедная,
Стоит береза черная.
Одна из них — точеная,
Светла она, торжественна.
Стоит другая — черная,
Как будто в скорби женщина.
Ударила ли молния,
Иль чья рука никчемная —
Береза опаленная,
Стоит береза черная.
Шумит листва зеленая.
Жива она — березонька.
Слетит незамутненная
Весной с березы слезонька.
Слеза ее упавшая,
Слеза ее горячая...
Лесная тайна страшная
Меня все больше мучает.

* * *

Не замечал я в былые года:
Осенью чище речная вода.
И отражаются в ней облака,
Нежный изгиб золотого листка,
Поздние звезды, ночные цветы,
Преображенные наши черты
В ней отражаются... Льетса река.
Тают видения от ветерка.

* * *

Когда рука писать устала,
Хоть линию, но прочерти.
И ты увидишь в ней начало
Необозримого пути.

* * *

Как в ночи звезда,
Упаду в траву.
И спрошу тогда:
Так ли я живу?
У себя спрошу,
Сам скажу в ответ—
Воздухом дышу
Радостей и бед.
Пью захлеб, спешу,
Свет бегущих дней.
Воздухом дышу Родины своей.
Сладкий воздух зим
На снегу ловлю.
Зноя горький дым—
Все равно люблю.
На ветру, трубя,
Говорю: — Держись...
Я люблю тебя,
Чаровница жизнь!
Только б видеть мне
Не в последний раз
Зори по весне,
Блеск любимых глаз.
Видеть наяву
Взлет весенних стай.
Эту синеву — заповедный край.

АПОЛЛОН И ПРОМЕТЕЙ

* * *

*Красивые лица чертил геометр Аполлон,
Но в чем же ошибся, из мрамора их сотворив?
Забыл о душе, о такой пустяковине он,
Ее не зажег, чтоб светила она изнутри...*

*Холодные люди по смутным дорогам бредут,
Вокруг их—туманно, и так сиротливо темно.
И дети от них—как деревья без солнца растут,
Ех бедной душе светиться вовек не дано.*

*Решил по-другому хранитель огня Прометей
И материал превосходный для дела сберег.
Из глины гончарной он вылепил смело людей
И в пламени ярком творенья обжег.*

*И ожили люди—пускай угловаты слегка,
Зато горячи, и живут, полной грудью дыша,
Как солнечный луч, проникающий сквозь облака,
Светилась таинственно их молодая душа.*

*Полны вдохновенья, высоких и добрых идей,
В глазах у них—звезды, сияние ранней зари...
И смогут они переделать холодных людей,
Чтоб, мглу разгоняя, светулись и те изнутри!*

НОВОСЕЛЬЕ

Спасибо! Вселился. Квартира
Досталась нелегкой ценой.
Все звуки огромного мира
Слышны за бетонной стеной.

Соседа внушительный голос,
В гостиной — дневное кино.
Цветет у окна гладиолус...
И с видом на небо окно!

* * *

Люди ждут особенных вестей.
Люди ждут особенных гостей.
Хоть откуда,
Хоть с другой планеты—
Телеграммы, письма и приветы
От знакомых, близких и друзей.
Люди ждут особенных вестей.

Верно, что дожждаться их не просто,
Утром у газетного киоска
В очередь мы встанем из-за них...
Разбирайте!
Слушайте!
Смотрите!
Мы в предощущении событий
Славных,
Поворотных,
Мировых.

Ощущаем ближнего плечо.
Хлеба вдоволь. И хватает зрелищ.
Но чего-то хочется еще...
Новость,
Ты, как плод на ветке, зреешь,
И уже волнуешь горячо...

**Крупным планом на телеэкране,
Громогласным сообщеньем ТАСС.
Ты возникнешь,
Но уже заранее,
Не пришедшая,
Волнуешь нас!**

На часах планеты звездный час.

МАЛЬЧИШКИ ВО ДВОРЕ

Мяч футбольный, а рядышком — книжки.
Из фанеры корабль на Луну...
Неужели вокруг все мальчишки
Вдруг играть перестали в войну?..

Ну, а мы? Как мы в детстве играли,
Воевали, стреляли в кустах.
Били шашкой, а в старом сарае
Столько лет размещался Генштаб.

Неустанно в войну мы играли.
Наступала могучая рать...
Амбразуру закрыв, умирали,
Как легко было нам умирать!..

Все мы — послевоенные дети.
И война в нас впиталась, как дым...
Кто придумал для нас игры эти,
Больше в них мы играть не хотим!

Дети Азии, дети Европы
И других континентов земных,
Хватит рыть возле дома окопы
И стрелять то в своих, то в чужих.

Люди, люди, из мрачных укрытий—
Выходите из тесных квартир,

**Перестаньте блуждать в лабиринте,
Вы во имя Детей объявите,
Объявите, пожалуйста, мир!**

**...Во дворе шумно прыгали дети
И в глазах у них было светло...
Неужели у нас на планете
Что-то важное произошло?**

**Мяч футбольный, а рядышком — книжки.
Из фанеры корабль на Луну...
И в пределах Земли все мальчишки
Перестали играть в войну.**

ШУТКА

Телевизорный ящик Пандоры
Мы в квартиру вчера принесли,
Лишь включили, и сразу же ссоры
В нашем дружном семействе пошли.

Выбираем. Листаем программы.
Дед и внук заказали концерт.
Мульти-пульти для дочки и мамы.
Смотрит Штирлица дядя-доцент.

У сестренки печальная мина:
Целый вечер какой-то футбол...
А премьера французского фильма?
Но по дому разносится: — Г-о-о-о-л!

Старший брат. Он завзятый болельщик.
Гром и молнии. В доме — гроза.
Хоть команды игрою не блещут.
Он болеет четыре часа.

У экрана мяукает кошка.
Собрались молодежь, старики.
На плите подгорела картошка
И в духовке горят пироги.

**Танцы Конго и фауну прерий
Мы себе записали в актив.
И еще из двенадцати серий
Предстоит досмотреть детектив.**

**И не верится в то, что неожиданно,
Ровно в полночь утихнет гроза.
Свет зажжем. Отойдем от экрана
И друг другу посмотрим в глаза.**

БЕЛЫЙ КИТ

Возле поселка Дзинтари море
выбросило на песок белого
кита.

Газетная хроника

— Я— белый кит.
Я к берегу прибит.

И вот уже вечерние газеты
Под заголовком: «Новости планеты»
Теряются в догадках: «Отчего
Волной прибило к берегу его?»

— Ни острие стального гарпуна,
Ни штормовая дикая волна
Меня не сбила и не доковала,
Не раздробила ярость аммонала.
И ядерного взрыва черный след
Меня в пути не обескровил, нет...

Ни клубы ядовитого тумана,
Ни айсберги чужого океана...
Меня сломила не китов война,
Ни сплетни, что была ты не верна...

Считалась в море ты моей подругой:
Но не реви ты надо мной белугой.

— Так отчего?— ученый скажет.— Странно,
Какая-то невидимая рана...

Что все-таки гвало его сюда?
Какая неизвестная беда?
Как заблудился он в холодном море,
Когда такое в тропиках приволье...
Полно планктона, не достать до дна...
Отвечу я: — При чем тут глубина,
Я плыл, исполнен редкостного пыла,
И в странствиях меня не поглотила
Ни пролитая танкером смола,
Ни хищница — подводная скала
Не разломила и не сокрушила...
Ни корабля могучая броня,
Ни прочая какая западня —
Я вам отвечу, что меня убило:
Убило одиночество меня.

БАЛЛАДА УЮТА

Вещи.
Разные предметы.
Гардероб. Трюмо. Буфет,—

Раструбят всем
Кто Ты,
С Кем Ты,
Чем живешь, во что одет.

Шевельнутся занавески,
Стол качнется,
Стулья — в круг.
Аргумент отыщут веский...
Не шути, любезный друг! .

Зеркала, торшеры, полки.
Вазы тонкие в углу
Зазвенят,
Расскажут бойко,
Ты умен, иль, может, глуп.

Гости
Встали на пороге.
Гости вытирают ноги.

Коврик
Прыгнул на порог,
Словно лающий щенок.

Вещь хитра!
Она — живая.
Дом вещами насыщая,
Не усердствуй, как Кашей.
Ты рискуешь, получая
Громкий титул — Раб вещей!

* * *

Брови щипаны,
 лобик-челочка,
Ты танцуй, танцуй,
 плачь, девчоночка.

Вся нейлоновая,
Вся нарочная,
Чем ты голову заморочила!
Старики зовут
Тебя: Любочка...
Пальцецо твое демисезонное
Покороче, чем миниюбочка...
Ищешь счастье коммиссионное,
А на пальце — кольцо минуточка.
Шепчешь сладостно:

— Ах, дубленку бы.

Замираешь:

— Такие диски бы...

Несерьезная, ах, гулена ты,
Далеко ль твое
Счастье, близко ли...
Анекдоты — только пикантные,
В голубом дыму крутишь блюзики,
Сигареты американские...
Легкой жизни бы!
Легкой музыки...
Подведенные глазки узеньки.

За минуту до землетрясения,
Прежде чем произойдет толчок,
Маленький смысленый паучок
Покидает зыбкие строенья.

Он скользит по тонкой паутинке,
Скачет, об опасности крича,
И переползает по былинке
Через бездну синего ручья.

Постучится в домик муравьиный—
Муравьи помчатся, голоса:
— Бабочки на шелковой перине!
Поднимайтесь, больше спать нельзя!

Майские жуки, стрекозы, птицы...
Слышен клекот, рев, собачий лай.
Топот. Суматоха. Что творится?
Раздается:

— Человек вставай!

А у человека дом и крыша.
И двойные рамы и стена.
Он в постели мягкой спит, не слыша.
Пусть над ним кричит хоть сатана.

**За полночь он завершил работу.
Человек и молод, и влюблен,
Невдомек ему, что будет что-то...
Сладкий сон досматривает он.**

**За минуту до землетрясения
За окном природа бьет в набат,
Птицы, насекомые, растенья
Громко в дверь закрытую стучат:**

— Пробудись скорее, Старший Брат!

* * *

**Я знаю теперь, что разлука
Страшней, чем любая зима.
Когда из пространства ни звука,
Ни слова, ни строчки письма...**

**Лишь эхо, звучащее глухо.
И чахнут в тумане дома...
Разруха... Разлука, разлука,
Сводящая сердце с ума!**

ЖУРАВЛЕНОК

Поэма

Галине Лонгиновне Козловской

1

Журавленка
Ранили в крыло.
Он летел,
 почти еще ребенок.
Он упал на землю из потемок.
И ему, признаться, повезло...

Он упал сквозь огненный закат
В сад,
 где жил известный Музыкант.
Будто небо выронило скрипку —
Музыкант от изумленья вскрикнул.
Журавленка поднял Музыкант.

2

Поправлялся
Журавленок трудно.
Тяжело срастались
 в крыльях струны...
Но взлететь
Отныне он не мог.
И гулял по саду, одиноко.
Пообвыкнув,
 поздно вечерами
Тщетно он размахивал крылами.
Музыкант грустил и день и ночь.

Но ничем
Не мог ему помочь.

3

Вечерами
Глухо и туманно
Пело за окном фортепиано.
Музыкант играл.
И как-то вдруг
В дверь его
 раздался слабый стук.
Он открыл.
И видит — на пороге
Журавленок сизый,
Длинноногий.
Музыкант тому был очень рад.
Проиграл аккордов он каскад.
Он сказал,
 став бойким на минутку,
Восхищенно и как будто в шутку:
— Заходите!
Что же вам сыграть?
И свершилось чудо:
Журавленок,
Видно, навсегда уже ребенок,
Стал, курлыча,
Рядом танцевать!

4

Так он жил.
Но все ж для журавленка
Даром
Эта не прошла беда.
Он окреп,

На крыльце стоял, угрюм и горд.
Музыканта жгла тогда досада...

5

Был недалеко аэропорт.

6

Музыкант
Входил в свой дом устало.
Фуги Баха он играл опять...
Журавленка
Музыка спасала:
Снова начинал он танцевать!

Танцевать

то призрачно и немо,
То курлыча и крича навзрыд...
В чистых звуках ощущая небо,
И ему казалось: он летит,
Журавля ждала родная стая —
Напрягались
Два его крыла...
Музыка звучала
Голубая.
В те часы в саду светлела мгла.

7

Мне на этом
Завершить удобней.
Вот и все.
Но я когда-нибудь
Опишу реальней и подробней
Журавля и музыканта путь.

* * *

Я зову —
А ты не слышишь,
Милая моя.
Дождь идет, шурша, по крыше —
Знаешь, это я...
У крыльца тебя я встретил,
Счастья не тая.
Снежный ветер, нежный ветер —
Знаешь, это я.
Я лучом тебя коснулся.
Разбудил тебя.
Тополь в поле встрепенулся,
Помнишь? Это я.
За окном зажгусь звездой,
Птицей полечу...
Миг еще
Побывать
С тобою
Я хочу!

РОМАНС В ДОЖДЬ

Бесконечных дней круговорот.
Жизнь творящий
Вешний дождь идет!

Моем крыши, улицу, листву.
Он скользит по твоему лицу.

Город спит. А улица светла.
На асфальте лужи-зеркала.
Как цветы над нами фонари.
Оглянись. Прислушайся. Замри.

Бесконечных дней круговорот.
Жизнь творящий вешний дождь идет!
И пройдут здесь тысячи дождей.
И пройдут здесь тысячи людей.

Пролетят века. Но каждый раз
Будут здесь все так же, как сейчас:
Фонари. Листва. И мы с тобой
В зеркале дождя над мостовой.

* * *

**В часы потрясений
Видение Блока
Являлось на Площади Века:
Шел сумрачный гений,
Бросая две тени —
Тень Бога
И тень Человека.**

* * *

Кто бы поверил,
Что это
Последний
Осени день!
Теплый,
Шумящий,
Будто бы летний,
Синяя звень.

Ночью что было!
Листья все сбило
В дикой игре...
Утром — знобило,
Небо уныло,
Снег во дворе.

* * *

**Ты удачлив. Спокойно и ровно
Бьется сердце. Живешь не спеша.
Не подводит тебя электронно-
Вычислительная душа.**

Я Б Л О Н Я

Памяти отца

Не вернулся садовник с войны,
Ну а яблоня, полная сил,
Расцвела в час победный весны,
Белый цвет всю долину укрыл.

Так стоит и поныне она,
Как невеста в фате у ворот,
И цветет, лишь наступит весна,
Дорогого, любимого ждет.

Осыпается с яблони цвет,
Ждет она от весны до весны.
Ждет она, а садовника нет,
Не вернулся садовник с войны.

Горьковатых отведай плодов,
Если случаем в сад забредешь,
Что такое земная любовь —
Ты поймешь,
Ты поймешь,
Ты поймешь...

ВОСТОКЗАПАД

* * *

*Война оставляет
Руины домов,
Война оставляет,
Война.
Разрушенный кров,
Пепелища садов.*

*Война оставляет,
Война.
И слышен
Приглушенный
Стук костылей.
Рука из металла
Темна...*

*Война оставляет,
Руины людей,
Война оставляет,
Война.*

Саласпилс, 1974

* * *

Да, это так. На Марсе жизни нет.
Пески. Пески. Коричневый рассвет.
Печалимся... Но сказка не забыта.
Мечтаем, пилигримы звездных лет,
И шепчем неизменно: «Аэлита!»

Пустынно. Тихо. Сколько ни кружи,
Каналы Марса — это миражи.
...Качнется зыбь — и перед нами зримо
Строенья возникают. Этажи.
Гриб огненный. Смертельный. Хиросима?

Планету поглотили силы зла.
На пробу — грунт. В нем уголь и зола.
Когда-то в прошлом Марс не звался Марсом,—
Здесь жизнь была игрива и светла,
И не один здесь город возвышался...

Омыт дождями с четырех сторон,
В учебниках имел другое он,
Красивое и звучное название.
Там в окруженье мраморных колонн
Стояли ослепительные зданья.

Он был собратом эллинской красоты.
Текли прозрачны реки и чисты.

**Сродни маслинам, там росли деревья.
И солнечные точные часы
Веков бегущих измеряли время.**

**Покамест неразведано, когда
Однажды содрогнулись города
От злобы, от жестокого разгула...
Раздоры и безумная вражда
Сынов планеты этой заклестнула.**

**Кружился пепел, как последний снег...
Да не случится с нами этот грех!
Земля да не покроется золою!
Обитель всех страданий и утех,
Пускай Земля останется Землею!**

**Пускай свое название сохранит,
В песок да не рассыплется гранит,
Бегущая река не испарится!
И роковой да не свершится миг
И не сотрет прекраснейшие лица!**

..

МОРСКОЙ БАЗАР

Море вынесет волною
На песок в часы прилива,
Разложив перед собою
Весь товар неторрпливо.

Тут и камушки цветные,
И узорные ракушки,
Водоросли даровые
И другие безделушки.

Здесь и амфоры обломок,
Взять — такое искушение.
Он лежал у скал придонных
После кораблекрушенья.

И обрывок древней снасти,
И поднос дырявый медный —
Чья-то горесть, чье-то счастье,
Чей-то уголок заветный...

Тащат, разгружают волны.
Шумные торгуют чайки.
Покупатели довольны.
Выбирай-ка, получай-ка!

Чтоб туристов позабавить,
Отдают шутя, не споря.
Я беру себе на память
Камушек — подарок моря.

День и ночь трудяги-волны
Тащат новые товары...
Мекки вы и Вавилоны,
Вы — приморские базары!

Вам конца и края нету —
Чайки мне во след смеются:
— Брось волне одну монетку,
Чтоб когда-нибудь вернуться...

ПЯТЬ МИНУТ ХИРОСИМЫ

Я спрошу:

— Хиросима,

Расскажи, что там было?

И она мне ответит:

— Пять минут после взрыва

К эпицентру бежали любопытные люди.

Рыбаки и портные,

Дровосеки и судьи.

Старцы и молодые к эпицентру бежали,

Возбужденно и жарко горожане дышали.

— Что случилось?

— Взорвали какую-то бомбу!

Чертыхались,

Взывали к пропавшему богу.

Взяв детишек, бежали,

оставив работу...

Им казалось, случилось интересное что-то.

И слепой вопрошал:

— Что там было, мальчишка?

Поводырь отвечал:

— Очень яркая вспышка!

Я увидел ее, и в глазах зарябило

И темно до сих пор...

Что же все-таки было?

И бежали, не видя ничего под собою,

Мальчуган и старик тот

За кричащей толпою.
Кто бежал просто так,
Кто в пылающий, дымный
В дом родной,
В свой очаг,
Кто-то мчался к любимой.
Все узнали потом...
А пока что,
В начале
Люди, споря, крича,
К эпицентру бежали.
Голоса их тонули
В адском пламене,
В пепле...
Прозревали слепые,
А зрячие слепли.

Тихий океан, 1977

* * *

Трава забвенья — сорная трава
На переулках памяти туманной.
Есть у нее особые права:
Целебная, залечивает раны.
Она снимает горечь давних дней,
Рассеивает прежние сомненья.
Утихла боль... Ты позабыл о Ней.
Благодари за все траву забвенья!
Забыты руки, не глядят глаза,
Ни эха слов на стынущем причале...
Она совсем забыта. Чудеса,
Забыта, словно не было печали.
Но долгими дождливыми ночами,
Когда на ветках птиц и листьев нет,
Ты чувствуешь озябшими плечами
Ее почти незримый силуэт...
Дыханье замирает от волненья
И кружится от счастья голова —
И где в тот миг
Твоя трава забвенья...
Сухая пожелтевшая трава.

ПОСЛЕДНИЙ ХИППИ

На перекрестке ста дорог,
Обросший, в сыпи,
Сидел, шепча свой монолог,
Последний хиппи:

— Дают мне тридцать лет с лихвой,
Но я моложе...
Оброс я грязной бородой,
Как город ложью.

Сижу и никуда не мчусь,
Дерьмом обсыпан.
Я болен атрофией чувств,
Как город гриппом.

Не думайте, что не болит...
Сказать по чести,
Транзистор — мой аппендицит,
Его отрежьте!

Он словно улица включен,
Не счесть проулков,—
Он воспален. Гноится он
Исчадьем звуков!

**НЕ ДУМАЙТЕ! Я вижу сам:
Набухший чирьем,
Зрачок мой от ночных реклам
Вконец расширен.**

**Друзей моих давно уж нет,
А были, были...
Они ушли. Их на войне
Убили.**

**НЕ ДУМАЙТЕ: в мозгу туман...
Пусть я — не Кришна,
Мой мозг кричит, как наркоман,
А вам не слышно.**

**Я не пропойца, не бандит,
Но мне так плохо,
Когда НЕ ДУМАЙТЕ! — велит
Сама эпоха.**

**Она со мной почти на Вы,
Хотя и правит.
И мне кусок сухой травы
Здесь уступает!**

**Другие тоже рождены
В час катаклизма.
Я наяву увидел сны
Капитализма!**

**Ботинком не пинай меня
Всяк проходящий —
Не бутафория здесь я,
— Я настоящий!**

**Найдется ль кто бы мне помог —
Хоть лезь из кожи...
Не голос ближнего, не бог,
Но кто же?..**

Калгари, весна 1977

П О Э Т Ы

Евгению Винокурову

Прочту Франсуа Вийона,
Артюра Рембо, Верлена.
Париж. И в нем, как мадонна,
Течет вдоль соборов Сена.
Река, где твои истоки,
Ручьи притекли откуда?
Ручьи и живые строки
Рождаются, словно Чудо.
Мечтатели и бродяги,
Шарманщики и поэты,
Они — твои бедолаги,
Они тобою согреты.
На западе и на востоке,
От Гавра до Сент-Этьена,
Бредут они, одиноки,
Но цель их благословенна!
Ты их приласкай, мадонна,
Ты им дари вдохновенье,
В час колокольного звона
Ты их не оставь в забвенье.
Бегут ручейками строки,
Откуда — надо взглядеться:
Таинственны их истоки,
Но устье — людское сердце.

Аэропорт Шарля де Голя, 1977

* * *

Восток и Запад...
Свет и Тень.
Вчера и Завтра.
Ночь и День.

Мы
Так считали
Испокон.
Мы
Это возвели
В закон.

Попробуй их соедини,
Не совмещаются они.

Не ведал Киплинг,
Их знаток,
Как близки
Запад и Восток.

Как неизбежно между тем
В сиянье юных лет
Соединились Ночь и День —
И родился Рассвет!

Соединились русла рек,
Чтобы продолжить к морю бег.

**Срастались корни языков,
Чтобы продолжить путь веков.**

**Сквозь годы,
Сквозь пески,
Сквозь снег
Шел к Человеку Человек...**

**Сошлись и Завтра и Вчера
В сегодняшней поре,
А это значит, что пора
Подумать о Добре.**

**Позерить, что Земля кругла
И все едино в ней.
Не совершая больше Зла,
Идти
Путем
Людей.**

**Далекий Запад и Восток
Сойдутся наконец —
И ярче расцветет цветок
Живых
Людских
Сердец!**

Москва—Монреаль—Ванкувер, апрель—май 1977

РОЖДЕНИЕ РАДОСТИ

* * *

*Однажды до крика захочется,
Чтоб встретились два одиночества,
Как два корабля на причале,
Две боли сошлись, две печали...
Ладони, иссохшие губы —
Как с первым дождем Каракумы.
Однажды такого захочется —
От жажды такого захочется —
Чтоб встретились два одиночества.
Две боли сошлись, две печали,
Великою радостью стали!*

* * *

До утра в лихорадке гореть —
Но душа не покинула тела.
В небо ворон вспарил. Это Смерть
Передумала и улетела.

ЛОЗА

Что это?

Виноградная лоза

Сплелась с другою на зеленых склонах.

Мерцают грозди?..

Нет! Горят глаза,

Переплетаются тела влюбленных!

Сруби лозу.

Она весною вновь

Растет и вьется. И душа ей рада.

Так вечно

Возрождается любовь,

Освящена

Лозою винограда.

* * *

**В самый ненастный час
Я вспоминаю вас.**

**В самый счастливый час
Я вспоминаю вас.**

**Бури, грозы, восходы —
Нас изменяют годы.**

**И другим становясь,
Я вспоминаю вас.**

**Что же, надо смириться,
Груз этот век неся:**

**Память — вольная птица,
Ей приказать нельзя.**

ОБЛАКА

Покачиваясь слегка,
Плывут спокойного цвета
Первые облака
После знойного лета.

Они не тучи еще,
И каждое — парусом реет,
И солнце еще горячо —
И манит,
И светит,
И греет!

Осень где-то в нас,
Внутри —
Сентябри и октябри...
Буйствует, бушует, злится,
Куролесит на ветру.
Слышишь?
Опадают листья.
Тихо станет поутру.
Все. Окончен листопад.
Листья мертвые лежат.
Листья — мелкие обиды —
Вдруг растают, словно дым...
Это ты поймешь,
Увидев
Первый снег своих седин.

* * *

Эта линия разлома
От угла и до угла
По стене жилого дома,
Угрожая, пролегла.

Дом починят. Перестроят.
И забелится стена.
Но иное беспокоит.
Замечаю, как темна

По стене жилого дома
От угла и до угла
Эта линия разлома
Между нами пролегла...

БАЛЛАДА О БУДУЩЕМ СНЕГЕ

Остался за спиной
Ноябрь. Но снега нет.
Дожди. А мне с тобой
Так нужен первый снег.

Дожди. Но почему
Мы думаем о нем?
Скучаем по нему
Не порознь, а вдвоем.

Нет. Расставаться мы
Не думаем навек.
Зачем нам снег зимы,
Пушистый белый снег...

А дождь все льет и льет...
Хотим иль не хотим —
Я слышал, настает
Черед бесснежных зим.

Снег будет... Что гадать,
Дождинки с щек сотри.
Но сколько надо ждать —
И день, и два, и три.

Снег первый на пальто
Слетит, как бы шутя.

**Что он изменит, что,
Безгрешный, как дитя...**

**Онавшую листву
Укроет. Снег не скуп.
Коснется наяву
Полуостывших губ.**

**Потом
Все кверху дном!**

**Со снегом не балуй!
Снег озарит огнем,
Как первый поцелуй...**

**Однажды утром встать,
Проснуться раньше всех
И тихо прошептать:
— Он выпал... Первый снег!**

**Открыть скорее дверь.
Идти. Идти. Идти.
И после всех потерь
Весь мир приобрести.**

**По-новому смотреть,
По-новому дышать,
Как будто умереть
И снова оживать.**

* * *

Рузы Чариеву

Ты пейзаж нарисовал —
Уголок родной долины.
В нем ветвей зеленый шквал,
А в листве — лица овал,
Лоз изгиб неустойчивый.
И тюльпановый пожар.
С высоты ручей бежал
И почти неуловимой
Жилкой на виске дрожал...
Жил пейзаж
и в нем дышал
Образ женщины любимой,

ДВЕ ПТИЦЫ

Поселилась в глазах птица Грусть
В каждом гнездышке темным зрачком.
Ты махнула рукой: ну и пусть!
И заплакала ночью тайком.

Но тебя я ни в чем не виню —
Буду ждать я тебя под крыльцом.
Птицу Грусть из гнезда прогоню,
Дам ей место во взгляде своем.

А в твои молодые глаза
Птица Радость скорей пусть летит
И, взмывая в твои небеса,
Пусть живет,
Пусть поет,
Пусть звенит!

М О Р О Ш К А

Ах, ты — ягода морошка —
Ни на суше, ни в воде —
Собирать одна морока...
Где растешь ты? Да нигде!

По болотным желтым кочкам
За тобой идем опять.
Ты какая? Сердце хочет
До конца тебя понять.

Словно кем в пути примята,
Не трава ты и не куст —
Кисловато-
 сладковато-
 горьковатая на вкус!..

Ждем, когда коротким летом,
Обхитрив июльский дождь,
Ты сверкнешь лучом рассветным,
Ты поспеешь. Позовешь!

Зашагаем по опушкам,
Ищем на исходе сил...
А тебя недаром Пушкин
Перед смертью попросил.

ЧЕРНЫЙ АИСТ

**Черный аист людей сторонится.
Гнезда вьет у болотной воды.
Говорят, не к добру эта птица,
Черный аист — предвестник беды.**

**Так считали в народе издревле —
Прилетит лишь, а люди опять
Жерди в руки, спешат всей деревней
Прочь нечистую силу прогнать.**

**Улетал, улетал черный аист,
Застив небо размахом крыла,
И на избы крестьян опускалась
Беспросветная черная мгла.**

**Черный аист людей сторонится,
Гнезда вьет в глухомани лесной —
Ах, зачем так обидели птицу!
Очернили ее клеветой...**

**Побрести по забытым тропинкам,
Аистиные гнезда найти,**

**Обратиться с поклоном великим!
— Поле наше, наш дом посети!..**

**Черный аист за мной устремится,
Чище света его существо.
Черный аист — опальная птица,
Птица счастья летит моего!**

* * *

От Байкала и до Самотлора
Все тайга, сибирская тайга.
Глубоки таежные озера,
Глубоки таежные снега.

Ты — Сибирь! Тайнственное слово.
Глухомань. Болота. Мошкара...
Так скупа на ласку, так сурова,
Так добра бываешь, так щедра.

Людам, что душой твоей породы,
Чьи черты возвышенно просты,
Все дворцы чудесные природы
Благодарно открываешь ты.

В мерзлоте и топях непролазных,
На тропинках мшистых и крутых
Раздаешь им россыпи алмазов,
Слитки самородков золотых.

Из глубин забьют фонтаны нефти —
Ты подскажешь правильный маршрут.

**И одаришь летним многоцветьем.
Матушкой не зря тебя зовут!**

**Ты подаришь неба бесконечность,
Песни рек и сказочную ширь...
Человеку мужество и нежность
За труды подаришь ты, Сибирь.**

ДЕРЕВЬЯ В САДУ

Еще в саду тепло. И зеленеют листья.
Но знаю я, о чем в ночи вздыхает сад:
Что далеко весна, что осень близко-близко,
Что скоро листопад, что скоро листопад...

Там дерево одно усыпано плодами,
И ветви оттого ломаются на нем.
Есть и деревья здесь с высокими ветвями,
Но нет на них плодов. И предосенним днем

Легко шумят листвой, над садом возвышаясь —
Здесь проходя порой, их замечали вы.
Осыпались цветы и потемнела завязь,
И лишь остался шум пустеющей листвы.

Они еще растут. И рвутся в неба просинь.
Но гаснет солнца луч. Тускнеет синева.
Деревья в том саду свою встречают осень.
И сыплется листва. И сыплется листва.

* * *

Соловушка стонет и плачет,
Подругу в три крика зовет...
А люди в округе судачат:
— Веселый,
Щеплохо поет!

* * *

Всю жизнь
Идем к Той Истине
Под сводами лучистыми.
Идем, когда темно.
Но лишь сердцами чистыми
Постичь ее дано.
Покрылось древо листьями,
А мы идем к Той Истине.
Лоза мерцает кистями,
А мы идем к Той Истине.
Когда ночами мглистыми
Бушует листопад —
А мы идем к Той Истине
На ощупь, наугад...
Та Истина
Таинственна
И потрясает вновь.
Для каждого единственна,
Та Истина —
Любовь!

* * *

**Снега первого белый конверт.
Лаконичные строки письма:
«Добрый вечер!.. Сердечный привет...
Буду скоро. Целую. Зима».**

* * *

Была у человека
Душа светлым-светла.
А поняли мы это,
Когда душа ушла...

* * *

Закружилась листва золотая,
Ветром брошена ввысь, в облака —
Будто птичья тревожная стая...
А куда же ей без вожака?

И осинный лист, и кленовый
Торопливо собрались в полет,
В путь далекий лететь все готовы.
Кто решится, кто их поведет...

Пахнет стужей простудной и мгlistой,
На осине дрожат два листка.
Опадают усталые листья...
А куда же им без вожака?

СТАРИК

Жив еще человек...
Но из дома выходит не часто.
Слякоть. Тающий снег.
Человек все же вышел.
Прощаться.
Мимо — люди,
 авто,
Старика они не замечали.
В неуклюжем пальто,
С наклоненными грузно плечами...
Показалось и нам —
Просто вышел старик на прогулку.
Присмотреться б к плечам,
Внять ботинок неровному стуку.
И беспечно смеясь,
Мы по улицам мчались куда-то,
Он лишь глянул на нас
И свернул тихо к дому.
Обратно.
Дождь полил. И вода
Смыла крохи последнего снега.
Были годы,
Когда
Он бежал,
 задыхаясь от бега!..
Шел, ступая с трудом...

У подъезда на чахлом кусточке,
Руки вымыв дождем,
Тронул он порыжевшие почки.
Все увидел — и снег,
И влюбленных, что в дождике мчатся.
И ушел
Человек.
Он со всеми успел попрощаться.

САГА О ТАЛЛИНЕ

Таллин — каменная книга.
Рукописные страницы.
На обложке — старый Томас
Зорким стражником стоит.
Раскрывает книгу Ветер,
Прилетают с моря птицы.
Времени седые волны
Бьются глухо о гранит.
Мы идем по темным плитам —
Буквам, тщательно отбитым,
И читаем их в пути.
И, как в древности былинной,
На холме тоскует Линда,
Причитает: «Встань, мой Калев,
Встань, невесту защити...»
И как будто слышит Калев,
Величавый и могучий,
Богатырь, сметая тучи,
Подпирает небосвод.
Над тобою, гордый Таллин,
Над Эстонией певучей,
Над лесами, над полями
Солнце яркое встает!
Дальше мы читаем книгу.
По ступенькам — выше, выше.
Там — у строгих стен соборных

Куполов полет высок.
А внизу краснеют крыши,
Вымыты дождями крыши
Черепичные. На каждой
Флюгер — верткий петушок!
И кричит сосед соседу:
— Как сегодня дует ветер?
Можно ль в море на рассвете
Отправляться рыбакам?..
И в ответ сосед соседу
Говорит: «Хороший ветер!
Он сулит удачу в море,
Можно завтра на рассвете
В море отправляться нам».
Дальше мы читаем книгу...
Мимо ратуши старинной,
Лавки рыбной и аптеки,
Мы идем неторопливо
Через Булочный Проход.
Хвалим пышки, хвалим сдобу:
Приготовлена особо!
Хлеб испечь — уменьем этим
Этский славится народ.
Таллин — каменная книга.
Вот и новые страницы.
Мастера каменотесы
И поныне пишут их.
Вспыхивают вечерами
Сварок быстрые зарницы.
Краны поднимают глыбы
На окраинах былых.
Город высится на камне.
И не зря гласит преданье:
Что гранит — суровый камень
Силу вещью дает.
Оживает этот камень

**Под умелыми руками
И становится все краше
Древней книги переплет.
Не зальет его водою,
Не сметет его бедою,
Город славен красотой —
Таллин строится, растет.
И пока растет, он молод,
И вовеки в этот город
Злой Волшебник не придет.**

Таллин — каменная книга.

БЕЛЫЕ НОЧИ

Шпиль золотой и ограда.
Серый гранит и Нева.
Белых ночей Ленинграда
Шорохи. Всплески. Слова.

Был я во власти видений,
Близости белых страниц...
Белые шапки сирени,
Белый наряд выпускниц.

Тени исчезли... И молча
Спрячься, попробуй, в тени —
Белые-белые ночи,
Нам заменявшие дни!

Шла ты и не исчезала,
Не пропадала во тьме.
Улица возле вокзала.
Пушкин сидел на скамье.

Словно на цыпочках к дому, —
Мы не мешали Ему.
Что там поэту родному
Виделось в белом дыму...

Листьев цыганские очи,
В окнах слепые огни.

**Белые-белые ночи,
Нам заменявшие дни.**

**Медленно до остановки,
Час, или два, или три.
Над тишиной Пискаревки
Отсветы алой зари...**

**В радости светлой, в печали
Сколько бродили вдвоем,
Ночь до утра провожали
И засыпали лишь днем.**

**Но становились короче,
Мглой затянулись они:
Белые-белые ночи,
Нам заменявшие дни!**

* * *

Вернулся я в себя...
Как это долго длилось.
Я кем-то был другим,
Был не самим собой.
Я словно изгнан был,
Я словно впал в немилость.
Отвергнутый судьбой
Я словно был толпой.

Вернулся я домой.
Теперь живу как прежде.
Открыл глаза свои
И знаю, кто мне друг.
Снял пестрое тряпье,
Хожу в простой одежде
И вижу мир вокруг,
И слышу каждый звук.

И ты ко мне пришла,
Как долго ты мне снялась...
Тебя я отыскал,
Узнал твое лицо.
Был предвечерний час.
И в сумраке светилось
На пальце у тебя
Ничейное кольцо.

* * *

Благословенный месяц — март!

Прозрачность неба —
Ясность взгляда.

И ты читаешь: месяц — старт.
И, значит, сетовать не надо.
Перелистай весь календарь
За этот год, но месяц — финиш,
Как ни старайся, не увидишь,
Перелистай весь календарь.

Благословенный месяц — март.

С ветвей грачи взлетают бойко,
Как в рассыпную из-за парт,
Лишь прозвучит звонок с урока.
Круг стадиона. Гул. Азарт.

Благословенный месяц — март!

Твоя печаль. Твоя отрада.
Еще темнеет старый парк.
И не покрашена ограда.
Из губ, чуть приоткрытых, пар...
Идешь поеживаясь. Зябко.

Благословенный месяц — март, —

**И, как сугробы, набок шапка!
Начало игриц и проказ:
Поют коты микрорайона.
Нацелены с карнизов в нас
Сосульки — стрелы Купидона!**

Благословенный месяц — март.

МОНОЛОГ ЧУДАКА

— Пока легка
Моя рука,
Соединяю облака!
Пускай прольется дождь,
Которого ты ждешь!
— Спустись на землю, — говорят, —
Витать опасно в облаках.
— Советы ваши слушать рад,
Два облачка держа в руках.
Соединенье облаков —
Удел извечный чудаков.
И все ж
Нелегкий это труд,
Опасностями он чреват —
Не избежать тебе простуд...
А если вдруг
Творишь ты град,
Тебя камнями забьют!
Но подскажите, как мне быть?
Когда, губами шевеля,
Одно лишь слово шепчет:
— Пить... —
Давно иссохшая Земля.
Но как мне быть, когда река
Дождя, тоскуя, ждет...
Соединяю облака —

**Сегодня мой черед!
Соединяю островки
Летящей
Доброты
В огромные материики...
Чего же хочешь ты?
Да, я пропал, как Блудный сын,
Для многих я исчез...
В моих глазах застыла синь
Неведомых небес!
И если на исходе дня
Порога твоего
Коснется грешная ступня...
Встреть
Брата своего!**

ЗОВ ЖУРАВЛИНЫЙ

Самолет над облаками
Набирает высоту.
Огоньками, огоньками
Прорезает темноту.

Города —
Аэропорты.
Звуки гулкие слышны.
Пролетают самолеты.
Ни секунды тишины.

Но на что это похоже?
Из ночной глубокой мглы
Долстит и растревожит
Странное: «Курлы-курлы...»

Радостью необъяснимой
Переполнит сердце вдруг
Звук долинный, журавлиный,
Принесенный ветром звук.

Птицы выше —
Звук все тише...
И глаза твои светлы —
Ты услышал! Ты услышал
Ясное «Курлы-курлы...»

**Это из далеких странствий
Возвращенье в отчий край.
В нем задиристое «Здравствуй!»
Не осеннее «Прощай!..»**

**Что-то важное обрел ты,
Птицы что-то принесли...
Осторожно, самолеты,
Пролетают журавли.**

ЯРМАРКА ВЕТРОВ

Из поэмы

* * *

— Одноклассница, здравствуй!

— Привет!..

Сколько зим,— говоришь,— сколько лет!..

Надо ж,

Встретиться у перекрестка.

Мы с тобой разминулись бы просто,

Если б не светофор..

Он горит.

И пока еще путь не открыт.

Скоро должен зажечься зеленый.

Юность наша —

Район отдаленный...

Вспоминается бал выпускной,

Ты — девчонка из нашего класса.

Сколько важности в нас напускной,

Разных планов таинственных масса!..

Вдохновенно мы в чем-то клялись

И читали стихи без запинки,

Разбежались потом, разошлись,

Разлетелись все наши тропинки.

По-мальчишески робко любя,

Не помчался тогда за тобою.

И осталась ты сказкой, мечтою..

Лишь сегодня я встретил тебя!

Перекресток. Машин коридор.

Неустанно горит светофор.
И пока еще
Путь не открыт,
И еще не зажегся зеленый.

...Одноклассница мне говорит
Я гляжу на нее изумленный:

— Ты все та же!

— А ты все такой...

Надо ж,

Встретиться на мостовой.

— Ты, наверное, замужем?

— Нет...

Не нашла. Ни один не достоин.

Тот не рыцарь, а этот не воин...

Ты женат?

— Да, уж целых пять лет.

Красный свет все горит,

Красный свет...

Тут мигнет светофорное око.

Я спрошу:

— А тебе одиноко?

Улыбнется:

— Не жалеюсь я!

Не дают ухажеры житья,

Комплиментами сыплют,

А тошно.—

Добавляет, как будто шутя:

— Я немножко

Бездомная кошка.

О каких говорить новостях...

И жалеть о прошедшем — не стоит.

— Был вчера я у друга в гостях.

Журналист. Кстати, он — холостяк.

Я его познакомлю с тобою!

Зашумела толпа за спиною.

Свет зеленый зажегся. Горит.
Переход для прохожих открыт.
Запишу номер твой телефонный.
— Я спешу,—
 говорю ей,— прости...
Расстаемся. Горит свет зеленый.
И расходятся наши пути.

* * *

Высокие деревья!
Их шум исповедальный...
Брожу в лесу, робея,
Как в школе музыкальной.

Он звуками наполнен,
Не счесть его мелодий.
Чайковский. Григ. Бетховен
Рассеяны в природе.

Гурьбой влетают ветры
В плащах листвы зеленых,
Настраивают ветки
Акаций, сосен, кленов.

Протяжный южный ветер
Играет чисто-чисто,
Напоминая чем-то
Заезжего артиста,
Усталого флейтиста...

Играет ветер юный,
Сын северного ветра,
Перебирая струны,
Прелюдию рассвета.

**И в тысячу деревьев
Разносится Legato
От неба до корней
Вечерняя соната.**

**Во Имя упоенья
Деревья слушать надо
В безумный час цветенья
И время листопада...**

КРЫЛЬЯ

**Самозабвенно мы
Летаем в детских снах!
Но после эти сны
Не посещают нас...**

**Но контуры модели самолета
Вновь будят
ощущения полета!
И где-то в нас — пока еще темно —
Умение летать заключено.**

**А за спиной торчащие лопатки,—
Им не хватает света и тепла —
Нас тяготят, как будто бы зачатки
Когда-то нерожденного крыла!**

**Приходит время
птичьих перелетов —
И нас тревожит радостное что-то...**

**Пастроиться,
Всего себя собрать.**

**И обрести
Умение летать!**

**Нужны
Невероятные усилия,
Чтоб в человеке пробудились
Крылья.**

НАЧАЛО

**Когда, улетаая, ракеты
Мерцали в космической мгле
И люди, их светом согреты,
Стояли на твердой земле,
Вдруг
 виделся
 узкоколейки
В снегу исчезающий след...
В промерзшей насквозь телогрейке
Комсорг и в шинели — Поэт.**

**Сжимались и лопались рельсы,
И сердце сжималось в груди...
Но встань, у костра отогрейся,
И дальше дорогу веди!**

**Единственной узкоколейки,
Тонувшей в снегах и лесах...**

**Вокруг — деревушки-калеки.
Но ширился стройки размах.
Порой отступали иные,
Но тверд и по-взрослому строг,
Завалы рубя ледяные,
Вперед продвигался Комсорг.**

Ни марли, ни йода в аптеке.
Тифозные стили поля...
Бараки, как будто отсеки
Летящего ввысь корабля!

Ни солнца, ни денег, ни славы —
Пурга три недели подряд.
Фитиль керосиновой лампы,
Но двигался дальше отряд.

А снег
 под ногами
 взрывался...
Ты помни о том, не забудь,
Откуда и как начинался
Великий Космический Путь.

* * *

Раз как-то
 в детстве босоногом
Мне, городскому внуку, повезло:
И первую моей большой дорогой
Была дорога к дедушке, в село.
Подвода поднималась круто в горы
По каменным мостам на перевал.
Была жара. Вспотели кони скоро.
Погонщик тоже чуточку устал.
А я только того и ждал,
Мальчишка,
В секунду спрыгнул
 и бежать стремглав
По каменной тропе без передышки,
Цветов касаясь и медовых трав...

И проходя
от края и до края,
Я открывал, волненья не тая,
Как в первый раз,
Слова те повторяя:
Как величава ты, страна родная,
Как ты прекрасна, Родина моя!

ПЕСНЯ МАТЕРИ

Будет петь колыбельную Мать,
Будет ласково что-то шептать,
На старинном степном языке
Повторяя в счастливой тоске:
— Спи, малыш,
Ты не спишь
Отчего?
— Мама, мама, а если во сне
Страшный сон вновь увидится мне?
Страшный сон...
Так боюсь я его!
Мать рукою взмахнет раз-другой,
Прикоснется легонько рукой,
А рука так светла и тепла...
— Засыпай, верблюжонок ты мой,
Страшный сон я сейчас прогнала!
Спит малыш. Безмятежно он спит...
Мать над ним изваяньем стоит.
А вокруг спят сады и поля.
Чутко спят у дорог тополя.
Спит камыш. И уснул ветерок.
И мигнул, задремав, огонек...
Люди спят. И тревожны их сны.
Людам снятся дороги войны.
Снятся им одиночества стынь,
Снятся жгучие ветры пустынь...

Мать, верни поскорее покой,
Над планетой склонись голубой.
Мать — хранительница тишины,
Притуши осторожно огни...
Человечества страшные сны.
Прогони, протони, прогони.

* * *

Время послевоенное.
На окраине сад.
Зреют яблоки белые...
А деревья стоят.

Мы украдкой бегаем
В тот заброшенный сад.
Зреют яблоки белые,
А деревья скорбят.

Мы бредем, оробелые,
Вдоль по саду тому.
Там, где яблоки белые
Покатились в траву.

Смотрят яблони вдовами
Посреди тишины...
Ждут деревья садовника,
Не придет он с войны.

* * *

Росла высокая трава
На глиняной пологой крыше.

Над нею только небо выше —
И облака,
И синева!

Мир в детстве кажется огромным —
Бескрайней крыша та была,
И та трава — аэродромом,
А самолетиком — пчела.

Ветра громадные над ней
Гудели до начала мая,
Мой быстрый,
 мой бумажный змей
Над головою поднимая!

Гремела ярмарка ветров
Среди садов Багишамала,
Звеня на тыщу голосов,
Шумела,
 пела
 и жужжала!

Держал я ниточку в руках,
Гордясь бумажным резвым змеем.
Но змей
На радость ротозеям
Застрял случайно в проводах...

Куда его девалась стать —
И хвост запутался лиловый.
Змей можно было сделать новый.
Но я хотел
 Его достать.

Змей повисал меж проводов,
Охватывала сердце жалость...

Но в Самарканде продолжалась,
Гудела ярмарка ветров!

И вновь

летел бумажный змей,
Преемник яростного змея,
На всю катушку,
все смелей,
Меж проводов скользнуть умея!

Осталась крыша далеко.
И вдалеке трава большая.
Большие ветры высоко...
Но я их снова ощущаю.

Мальчишек всех материков
Зову в свой город,
Приглашаю
Друзей на Ярмарку Ветров!

* * *

В тиши бескрайней чей-то зов
Я слышу.
Звучанье тысяч голосов
Я слышу.
В пустыне шум бегущих рек
Я слышу.
В садах песков сыпучих бег
Я слышу.
Дождей, что не пролились,
Плеск
Я слышу.
Детей, что не родились,
Крик
Я слышу.

* * *

12 апреля 1961 года, преодолев земное притяжение, в космос отправился корабль «Восток», пилотируемый первым в мире летчиком-космонавтом Юрием Гагариным.

Хроника

- А зачем тебе крылья?
- Чтоб в небо взлететь.
- А зачем тебе небо?
- Чтоб солнца коснуться...
- А зачем тебе солнце?
- Чтоб сердце согреть.
- А зачем тебе сердце?
- К любимой вернутся!

* * *

Созрело яблоко, повиснув надо мной.
Иные думы,
Век сейчас иной.
Не претендуя выбиться в Ньютоны,
Произношу в догадке озорной:
А если в нем
 скрыт механизм взрывной?
И счет сейчас идет на мегатонны...
Созрело яблоко и упадет вот-вот,
Поистине оно — запретный плод!
А сколько их
 висит со всех сторон —
Под листьями плоды те прячет крона...
Собрал бы кто. Нашелся бы Ньютон.
Но выведен давно закон Ньютона.
Созрело яблоко...

Ох, и задали задачу
Мне тогда, в двенадцать лет:
Я стараюсь, чуть не плачу,
Да не сходится ответ...

Вот условие. Знакомлюсь,
Ясно все, как дважды два.
Мчится поезд,
Мчится поезд
К пункту Б из пункта А.

В то же время мчится поезд
К пункту А из пункта Б.
Мчится, набирая скорость.
(Может, еду я к тебе.)

Где-то встреча состоится,
Неизвестно, где, когда.
Лишь мелькают в окнах лица,
Пробегают поезда.

Не найдешь условия легче,
Есть в задачнике ответ.
Поезда спешат навстречу,
Остановок больше нет.

Позади — туманы, ветры
И внезапный поворот.
На каком-то километре
Встреча их произойдет.

Вот такая неудача...
Я стараюсь, встав чуть свет,

Решена почти задача,
Да не сходится ответ.

Слышу, как скрипит калитка,
Слышу, как зовут друзья...
Где-то здесь моя ошибка,
Что-то перепутал я.

Можно подогнать решенье
Под ответ в конце концов,
Но отсюда — столкновенье
И крушенье поездов.

Ничего вдруг не случится —
Как заранее узнать?
Если все-таки решиться
И решенье подогнать...

Я склоняюсь виновато
Над тетрадкой с утра.
— Выходи! — кричат ребята.
Во дворе идет игра.

Перечитываю повесть,
Первую в моей судьбе:
Мчится поезд,
Мчится поезд
К пункту А из пункта Б.

Сквозь немислимую муку
Начинаю, может быть,
Математику — науку
Очень точную любить.

— Могучих стволов
 там стояло немало...
И добрый волшебник сказал им:
 «Идите
И царский дворец
 в сто лесов окружите.
Народ защитите...
 любою ценою...
Срастайтесь корнями...
 вставляйте стеною...»
Наутро проснулись
 волшебники злые
И видят: леса перед ними густые...
Скорей за мечи —
 и рубили, рубили...
Они все мечи о стволы иступили,
Но не одолели зеленой твердыни.
Еще колдовали и слали напасти...
А дети деревьев узнали о счастье,
Там люди счастливо живут и поныне...

Закончилась сказка.
Звучала другая,
Зоя, будоража,
 щемя, увлекая.
Опять надо мною шумели деревья,
Учили быть выше,
Светлее,
Добрее.

* * *

Через тринадцать лет
После войны
Скончался мой отец.

Он раны те,
Что были не видны,
Нес молча,
Как боец.

Я позову,—
Он в двери не войдет,
Не крикнет мне
В ответ...

Постиг и я
Иной,
Жестокий счет
Людей,
Событий,
Лет.

* * *

Лишь провода замкнутся ветром.
Погаснет свет.
На ощупь в мраке кабинетном
Ищу свечу.
Здесь, где-то здесь ее огарок.
Нашел. Зажег.
Как непривычно свет неярк!
Горит свеча.
Сильнее напрягаю зренья
И вижу я
На полках, словно в отдаленье,
Заглавья книг.
Обложки их из бычьей кожи.
Они темны.
А за столом старинным кто же?
Он мне знаком.

Понятно — времена меняются,
И с этим следует считаться!
В любви девчонки объясняются
И приглашают нас на танцы.

А у ребят — прически длинные,
Они такую взяли моду.
В мороз девчонки и под ливнями
Спешат мальчишкам на подмогу.

Но иногда бывает горько им
Читать о днях минувших книжки...
Девчонки были там девчонками,
А рыцарями — все мальчишки!

* * *

В полной средней школе у нас
Был учитель Сергей Гаврилыч.
Мы придумали в самый раз
Ему прозвище: Змей Горыныч.
Был он строг. И класс затихал,
Слыша ясно шаги в коридоре.
В двери он не входил, а впадал,
Словно Волга в Каспийское море.
И когда раскрывал он журнал
Изрубцованной твердой рукою,
На мгновение класс замирал.
Знали мы, что под Курской дугою
Был он ранен, и пуля прошла
Возле сердца.

Прошла и застряла.
Залатали. Хирургам хвала.
Дали в руки кусочек металла.

А боец был такой молодой.
Было двадцать ему с половиной.
Боль утихла, и снова он в бой.
Он победно дошел до Берлина.
Он твердил: «Как сидишь, Чесноков!
Повторял: «Сядь ровнее, Шамшурин!»
Брал куряк он за лацкан легко,
Выводил, брови жестко нахмутив.
Осекал, если кто-то юлил,
Перед грифельной стоя доскою...
Был он строг, потому что любил
Нас, ребят озорных, всей душою.
Мы не знали, что каждый рубец,
Как рубеж огнерой, оживает...
Огневой бесконечный рубеж,
На который он снова шагает.
Боль, как ночь, непроглядна и зла.
А рубец тот заметен лишь малость...
Пуля около сердца прошла,
Пуля в сердце солдата осталась.
И огонь тот пылает в груди,
Снова бой и дорога — без края...
А наутро он в класс приходил,
По фамилии нас окликаая.

ЗОВУЩЕЕ НЕБО

Просила: «Не летай высоко,
Чем выше небо, тем черней,
А в черноте оно жестоко
Земных карает сыновей».

Он отвечал: «Пойми, я — летчик,
Лишь в небе мне легко дышать».

Мне завтра улетать, короче—
Меня ничем не удержать».

Одолевая перегрузки,
В открытый космос вышел он.
Он уцелел, но к ней вернулся,
Как будто небом обожжен.

Она любила, так любила,
Навеки потеряв покой...
Но небо вновь его манило,
Как сердце женщины другой.

Однажды прогремев громами,
Он там остался навсегда.
И над лесами, над горами
Зажглась еще одна звезда.

Глядит беспомощно и немо
Седая мать на сыновей.
Они растут. Зовет их небо.
Все неизбежней, все сильней.

* * *

Ты не разбит,
Когда
 раз
 бит,
Когда раз, два,
Когда два, три,
Встань, отряхнись да посмотри!
Когда четыре или пять...
Невозмогу подняться,
 встать.

Не думай, мол, теперь каюк,
Сдаваться и не думай, друг,
Ты не пасуй и тут,
Запомни, что за битого,
За хмурого, небритого
И всеми позабытого
Небитых двух
Дают!

* * *

В городах деревья одиноки
Снег не укрывает их зимой,
Каменны и глухи водостоки,
Птицы облетают стороной.

Селятся в простенках, на балконах,
Там, где кошкам не достать птенцов.
Страшно им на тополях зеленых,
На верхушках кленов и дубков.

Было бы деревьям вовсе худо,
Если б не глазенки тех ребят,
Что на них взирают, как на чудо,
И о чем-то с ними говорят...

ЗЕМНОЙ КРУГ

Ложусь на левый бок
И ощущаю сердце...
Весь груз его забот
И напряженный стук.
Учили так давно
Тебя, почти младенца:

— А ну, на правый бок
Ложись, любезный друг!
Дед с бабушкой тогда
Волчком тебя пугали,
Который, мол, придет
И схватит за бочок...
Ну, что ж, на правый бок
Ложиться не пора ли?
Чтоб сердце тут-тук-тук—
И нет его. Молчок.
И вот уже лежи
Спокойно, друг, без сердца.
Спи безмятежным сном,
Тяжелый сбросив груз...
С зажатым леденцом,
С улыбкою младенца,
Служитель и кумир
Нерасторопных муз.
Ложусь на правый бок
И ощущаю сердце,
Весь груз его забот
И напряженный стук
И никуда теперь
От этого не деться...
Когда в груди твоей
Земной очерчен круг.

З Е Р К А Л А

Приснился сон: я сплю и снится мне:
Заснул и вижу тяжкий сон во сне,
Как будто сплю и вижу тот же сон:
В небесной мгле лечу я, невесом.
И в зеркале горит звезда. Светла.
И предо мной, без счета — зеркала.

Я перед каждым зеркалом стою.
Стою и дую на звезду свою...
Хочу, чтоб в небе ярче разожглась,
Чтоб мглы ночной исчезла злая власть,
Чтоб рухнули бессилья зеркала,
Чтоб мысль свободно воспарить могла,
Моря времен одолевая вплавь,
В себе соединила сон и явь.

* * *

«Земля людей», — сказал Экзюпери, —
Людей хороших,

добрых,

настоящих, —

А разве мало их на всей Земле?

Ее мы в шутку называем: мячик...

О случае одном я расскажу.

Однажды (это было в пятом классе)

На перемену прозвезел звонок.

Я был дежурным.

И огромный глобус

Уже собрался выпести из класса.

И вдруг меня ребята сбили с ног.

Я глобус уронил, и тут мальчишки

С ним, как с мячом, решили поиграть.

Один удар — и глобус покатился,

И между парт все бросились бегом.

Ботинками, коленками, руками

Озорники лупили сгоряча.

Америку и Африку пинали,

Европа полетела, как свеча!

Я бросился за глобусом, — поверьте! —

Не чувствуя ударов и пинков.

Я был дежурный... Был за все в ответе,

Но глобус откатился далеко...
К нему тянулся судорожно руками—
В тот миг вставали на дыбы моря
И грохотали над материками...
Материки, вулканами горя,
Перемешались.

Бывшая Европа
Америку столкнула между тем,
Пол-Азии исчезло от потопа,
И канула Австралия совсем.
Трещал по швам и разрывался глобус...
И все-таки я выхватил его.
В учительскую комнату отнес.
Подклеил кое-где материки.
На шкаф его поставил осторожно
И не сказал куратору ни слова.

Случилось это двадцать лет назад...
Сегодня я — дежурный по планете.

А солнце
Поднимается в зенит,
И люди от него лица не прячут,
И слышно, как, похожая на мячик,
Земля,
Подпрыгивая,
Чуть звенит.

К О Р Н И

Памяти Николая Заболоцкого

Смерть — это миф. Все в мире остается:
Жив праведник и не убит злодей.

Шумит листва. Восходит в небо солнце.
Душа опять вселяется в людей.
Нас тяготят неясные желанья
И тщимся мы самих себя постичь,
Своим пустулкам ищем оправданья...
И предков зов перерастает в клич.
Вазон с цветком несу на подоконник
И представляю явственно тогда:
Сюда я приходил... Я был Садовник,
Сады растил я в древние года.
Но иногда, собою недоволен,
Что слаб мой дух, что кость моя узка—
Себя я вспоминаю, был я Воин,
Я помню Тамерлановы войска!
А может быть, в доспехах Спитамена
Я выступал решительно в поход.
Любимую свою я спас из плена,
Разбил врага, освободил народ.
И вдалеке я Зодчий был когда-то,
Дворцов порталы к небу приближал.
И с минарета — царская расплата—
Был сброшен. И у ног царя упал...
Но я восстал из каменного пепла.
Стал Гончаром. Взял глину и песок.
Слепил кувшина женственное тело
И пламенем души его обжег.
Глазурью белой рисовал я птицы,
И птицы улетали в небеса!
И до сих пор на изразцах ветвится
Тугая виноградная лоза.
Я Лекарь был под сводами былыми
И Пастухом гнал по холмам стада...
В сознание не одно мерцает Имя
И возникают в дымке Города.
Звено в цепи извечных превращений,
Живу я, постигая в глубине,

Откуда эта жажда песнопений,
Судьбою предназначенная мне...

* * *

Бьют капли по мерзлomu снегу,
Настойчиво, медленно бьют
И ясно: зимы больше нету,
Хоть ночью мороз еще лют,
И тучи готовы к набегу,
И город снегами сожгут.
Бьют капли, настойчиво бьют,
Колотят по мерзлomu снегу—
И птицы покинули юг,
Путь держат к родному ночлегу.

* * *

Дочь говорит матери:
«Мама, почему я не такая красивая,
как ты?..»

Полна ты юного страданья,
Что сердце жалит, не губя:
Никто серьезного вниманья
Не обращает на Тебя.

Дурнушка... Тень весны цветенья,—
Забудь скорее вздор такой,
Да все восточные сравненья
Мгновенно меркнут пред тобой.

Любой воскликнет: «Ты красива!»
Другого и не скажешь тут.

**А волосы Твои — крапива,
Рукою тронешь, обожгут...**

КОРМЛЕНИЕ ПТИЦЫ В ЗИМНИЙ ДЕНЬ

**Клюет с моих ладоней...
Бойтся, но клюет!
Ее влечет и гонит
Запретный этот плод.**

**Ах, птица, прилетишь, но
Глядишь, едва жива,
Тебе шепчу чуть слышно
Заветные слова :**

**— Влетай, сердца тревожа,
Желанная, как Весть,
Ты смертна, птичка божья,
Твоих забот не счесть...**

**Клюешь. А сердце ловит
Упорно мысль одну :
Не только зимний холод
Привел тебя к окну.**

**И ты, и я, мы вместе—
Живые существа.
Созвучны наши песни,
Единственны права.**

**Не только непогода,
Нас многое роднит :
Лучи, листва, природа—
Один у нас родник!**

Горжусь такой судьбою,
Что связывает нас.
Свидания с тобою
Мне ждать еще не раз...

Вот птица поднимает
Два тоненьких крыла.
Летит и понимает
Язык Добра и Зла.

* * *

Три сосны из школьного окна,
Три ствола мечтательному взгляду
Открывались. Светлая волна
Пробегала и ложилась рядом...

Рисовал я на тетрадке парус,
Капитана с трубкой
у руля.
Мне стволы сосновые казались
Мачтами большого корабля.
Волны тихо палубу качали,
Поднимался парус —
невесом,
Белые невидимые чайки
Полонили синий горизонт.
И пока еще не очень ясный,

Начинал все напряженной дуть
Необъятный
гулкий ветер странствий,
Увлекая за собою в путь.

Школа.
Вон за тем углом она—
Мы давно под парусом уплыли.
Что теперь в ней видно из окна?
Три сосны!

Стволы их не срубили.
А волна летящая крута.
Паруса и чайки в небе чистом.
И стоят какие-то мальчишки,
И плывут неведомо куда!

* * *

Мой первый бой.
С самим собой.
Когда на линии огня
Сам пред собою, как броня .
И в вихре яростных атак
Сам пред собой, как дерзкий враг.
Где Трусость за руку берет,
Но Смелость говорит:
— Вперед!

Мой первый бой.
С самим собой.
Главнейший бой.
Труднейший бой.
Суметь себя преодолеть.
И жизнь свою и даже смерть.

А дальше с кем угодно бой
Уже полегче... — Он—второй.

САМАРКАНД. УХОДЯЩАЯ ОКРАИНА

Глиняные заборы,
Сонные черепахи,
Желтые скорпионы,
Ящерки на камнях,
Клинопись нежных листьев—
Милого детства знаки,
Это исчезнет скоро,
Можно сказать, на днях...

Встанут микрорайоны—
Город в белой рубашке
На горячем асфальте,
Ширь. Высота. Размах.

И уползают в страхе
Дряхлые черепахи.
Тощие скорпионы
Прячутся в пыль и прах.

Где-то там, на лужайке,
Наши мелькают майки.
Знаем, что скоро зданье
Встанет на месте том...
И выгорят майки,
И отцветают маки.
Ящерки отпечаток
Будет хранить бетон.

НАЗИДАНИЕ

Бросили в реку меня и сказали: —Плыви!
Плакал в обиде,
кричал, о жестокость людская.

Понял позднее,
она — от добра, от любви,
Понял, постиг,
книгу Жизни упорно листая.
Если жестокость —
тяжелое злое ядро.
Если лучи его
гибель несут, ослепляют,
Добрые руки повсюду находят добро,
Даже жестокость они
на добро расщепляют.

* * *

Взрываем горы,
Мутим воды,
Вздыхаем в небо
Сто огней —
Легко уходим
От природы,
Вернуться к ней
Куда трудней...

* * *

Тишина бывает разной:
Напряженной, мирной, праздной.
Где-то кончилась война —
Тишина.
Светит в облаках луна —
Тишина.
Вот малыш в объятьях сна —
Тишина.
Вот устада чуть волна —

Тишина.
Не качается сосна—
Тишина...
Но бывает и такую
Тишина — сплошная тишь,
Что захочется порою
Громко крикнуть:
— Что молчишь?
Разбудить своих соседей,
Зазвонить в колокола,
Чтоб ворвался свежий ветер,
Чтобы дальше жизнь пошла!

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Дождь, ты рассказ, который слышал
в детстве.

Кайсын Кулиев

Я ночью не спал,
Я слышал,
Как дождь прошагал
По крышам.
А может быть,
И не дождь...
Но кто же тогда?
Но кто ж
Брел полем, шурша, и рощей,
Шел мимо людских домов.
Отыскивая на ощупь
Дорожку среди кустов...
Мы ждали его,
Мы ждали.
Придет он —
Мы это знали!
Звучанием струй, прохладой

Он был на него похож...
Я слышал —
И это правда,
Шел дождь,
Долгожданный дождь!
Он летом казался чудом,
Он ясно блестел в окне...
Во сне улыбались люди,
Смеялась листва во сне.
Я ночью не спал,
Я слышал —
Ступал он все тише,
Тише...

Он шел по садам и крышам.
Дождь этот
Был очень нужен.
Мальчишки с утра вприпрыжку
Бежали по синим лужам!
И было
Прозрачным небо,
И было
Так хорошо.
Но только дождя уже не было,
Дождь кончил дела
И ушел.

Вернул он деревьям свежесть.
А людям вернул он нежность.

* * *

Старый дворик, вьюнками обвитый.
Стайка птиц
На зеленой ветле...

Начинаются наши орбиты,
Начинаются здесь, на Земле.

Мама рядом стоит у калитки,
Провожая тебя на заре—
Начинаются наши орбиты,
Начинаются здесь, на Земле.

Вот за партой высокой сидишь ты
В первом школьном своем сентябре—
Начинаются наши орбиты,
Начинаются здесь, на Земле.

Ты рассматриваешь, любопытный,
Что рисует мороз на стекле...
Начинаются наши орбиты,
Начинаются здесь, на Земле.

И в мечтаньях с друзьями летишь ты
В краснозвездном стальном корабле—
Начинаются наши орбиты,
Начинаются здесь, на Земле.

И сияет, однажды открытый,
Путь, который продолжить тебе—
Начинаются наши орбиты
На Земле, на обычной тропе.

БЕАТРИЧЕ

Взрослею.
Мне шестнадцать лет.
Я долговязый, сильный.
А у меня велосипед
Чертовски синий-синий!
Заветный—

Гоночный почти,
Все понимает вроде,
С ним хоть бранись,
С ним хоть шути,
Он добрый по природе.
(Хоть сделан на заводе).
А на ухабы не глядит
И прыгает отважно,
И с горки молнией летит,
И мне с таким не страшно!

Жму на педали,
Встав чуть свет,
Пью воздух свежий,
Стылый.
Кричу тебе:
— Физкультпривет!
Девчонке горделивой.
Гарцюю около ворот:
— Желаешь прокатиться?
Велосипед согласья ждет
До боли в пояснице.

Как Беатриче, смущена,
Садись на багажник.—
Соседка видит из окна
И матери расскажет.

А мы не ведаем о том...
Как славно жить на свете!
И с горки весело вдвоем
На синеи молнии верхом
Врезаться в свежий ветер!

Но так уж было суждено
В горчайший час

Ненастный —

**Ты не пошла со мной в кино,
Ты не пришла однажды...**

**Кружил я у ворот в мольбе
Три дня или четыре.
Но строго-настрога тебе
Кататься запретили.**

**Не мчаться нам по мостовым,
Забуть о прошлом лете...
А встретимся — поговорим
Без лишних междометий.**

**Ты скажешь мне, мол, тетка зла
И я, мол, не отличник...
Ты умерла, ты умерла
Когда-то, Беатриче.**

**Я буду мчать — за кругом круг —
И не жалеть усилий.
Велосипед — мой верный друг,
Послушный мой Вергилий.**

**Я с ним на улицах грущу,
Не сплю, хоть вечер поздний.
Тебя ищу, тебя ищу
В бескрайней преисподней.**

**Навстречу мне грузовики,
Машины легковые
Дают протяжные гудки.
Ругают постовые!**

**▲ за орешинкой — твой дом,
Суровый,**

Двухэтажный.
И где ты, за каким окном,
Теперь не так уж важно.

И не поймет Велосипед—
Послушный мой Вергилий,
Зачем родители тебе
Кататься запретили...

Ты — среди множества Теней,
Тебя я презираю... 15,1
Забудь о Ней,
Забудь о Ней!—
Я другу повторяю.

А мне в ответ
Велосипед:
«Зачем беду ты кличешь?
Ты от нее бежишь... Нет-нет,
Ее везде ты ищешь».

Ему захочется опять
Тебя случайно встретить.
Эмалью синей просиять,
Звонком тебя приветить.

По ближним улочкам кружу...
А за проспектом — взрослость.
Как рубикон, перехожу
Свой переходный возраст.

Мне было жаль велосипед
(Переживет едва ли)—
Погас его небесный цвет,
И сломан руль, и спиц как нет,
И нет одной педали...

Недомогал шальной дружок
В дождливую ту осень.
Я записался в драмкружок,
Велосипед забросил.

Слетает синяя эмаль,
Велосипед ржавеет...
Что ты ушла
Куда-то вдаль,
Он все еще не верит.

* * *

Внезапно
Меня разбудила прохлада
Рассветного часа,
Рука ветерка,
Качнувшего ветви окрестного сада.
Запевшая птица,
Бегунья река,
Спускаясь в долину, меня разбудила.
Рожок чабана.
Цокот резвых коней,
Наполненных древней могучею силой...
И гомон тайги.
И дыханье степей.
Меня разбудили морских теплоходов,
Готовых к отплытью, густые гудки.
Басы и протяжные гулы заводов.
Людей, после смены идущих, шаги.
И слышалось мне—
От Карпат до Тянь-Шаня
Как зеленью нежной дышали поля,
И знамя зари надо мной возвышая,
Торжественно били Куранты Кремля!

На Севере Крайнем кружились метели,
А где-то трещали суровые льды,
Леса голубели,
Звенели капели,
А где-то южной расцветали сады!
Я видел и слышал грозы громыханье,
Мальчишних, шумливых ручьев голоса,
Цветов полыханье,
Пшениц колыханье,
И чистые, словно стекло, небеса!
И солнце уже
Из-за гор поднималось,
И дальней дороги гудела струна...
И радостью сердце мое наполнялось;
Меня разбудила
Родная страна!

*Самарканд—Ташкент
1967—1977*

Содержание

СНЫ ГОРОДОВ

«Мы — дети бетона...»	3
«В жизни нередко бывает такое...»	4
«Март — снежок и льдинок хруст...»	6
«Сердце юное похоже на тюльпановый бутон...»	7
Приручение огня	8
«Недалеко в горах...»	10
«Знал женщину. Когда она смеялась...»	11
Землевращение	12
Как нарисовать коня	14
Бытие	16
«Одна любовь умрет...»	18
«Иногда, иногда, иногда...»	20

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

«Ты проснись и в окно посмотри...»	21
«Живет на свете человек...»	23
«На полях моей тетради...»	25
«Вот так бывает иногда...»	26
«На улицах такая теснота...»	28
Современный романс	29
Притча о счастье	30
Болезнь друга	31
Волшебная рыбка	32
«Бегу куда-то, тороплюсь...»	34

«Мертвый ельник...»	37
«Говорят, что мы стали добрее...»	38
Лесное озеро	39
Предосенний сонет	40
«Ночью, будто проспав ка ночлег...»	41
Сорок первый год	42
Солдатская береза	44
Горсть земли	45

ЗАПОВЕДНИК

«Не разлюблю я небо это...»	47
✓ «Узбекистан! Узбекистан...»	48
Река	50
«Современник, ты — мой собеседник...»	51
Апрель, май	52
«Мечтал я в детстве свой построить дом...»	53
Скамейка в парке	54
«Домой приеду к осени...»	56
Годы	58
Неоконченное стихотворение	59
Душа янтаря	60
Кайсыну Кулиеву	61
«Древняя чинара...»	62
«А человек, действительно, растение...»	63
Повилика	64
«О чем говорят нам деревья?...»	66

ПОСЕЛОК НА БАМЕ

«Поселок Звездный где-то там...»	67
Аэропорт	69
В зале ожидания	70

Донецкая криница	72
«Напишу — обещала...»	73
«Попробуй сладить с тишиной такою...»	74
«Как ощутимо притяженье...»	75
«Иногда не знаешь, почему...»	76
Подкова	77
Баллада о человечности	79
«Когда уходит Доброта...»	81
«Поклоняемся звездному долу...»	83
«Мать писем от сына все ждет...»	84
Две березы	85
«Не замечал я в былые года...»	86
«Когда рука писать устала...»	87
«Как в ночи звезда...»	88

АПОЛЛОН И ПРОМЕТЕЙ

«Красивые лица чертил геометр Аполлон...»	89
Новоселье	90
«Люди ждут особенных вестей...»	91
Мальчишки во дворе	93
Шутка	95
Белый кит	97
Баллада уюта	100
«Брови щипаны, лобик-челочка...»	101
«За минуту до землетрясения...»	103
«Я знаю теперь, что разлука...»	105
Журавленок (поэма)	108
«Я зову — а ты не слышишь...»	110
Романс в дождь	111
Двое	112
«В часы потрясений видение Блока...»	113
«Кто бы поверил...»	114
«Ты удачлив. Спокойно и ровно...»	115
Яблоня	116

ВОСТОКОЗАПАД

«Война оставляет руины домов...»	117
«Да, это так. На Марсе жизни нет...»	118
Морской базар	120
Пять минут Хиросимы	122
«Трава забвенья — сорная трава...»	124
Последний хиппи	125
Песенка для госпожи Като	127
Поэты	128
«Восток и Запад...»	129

РОЖДЕНИЕ РАДОСТИ

«Однажды до крика...»	131
«До утра в лихорадке гореть...»	132
Лоза	133
«В самый ненастный час...»	134
Облака	135
«Осень где-то в нас...»	136
«Эта линия разлома...»	137
«Баллада о будущем снеге...»	139
«Ты пейзаж нарисовал...»	140
Две птицы	141
Морошка	142
Черный аист	144
«От Байкала и до Самотлора...»	146
Деревья в саду	148
Соловушка стонет и плачет...»	149
«Всю жизнь идем к той Истине...»	150
«Снега первого белый конверт...»	151
«Была у человека душа...»	152
«Закружилась листва золотая...»	153
Старик	154
Дождь в день Победы	156

Сага о Таллине	157
Белые ночи	160
«Вернулся я в себя...»	162
«Благословенный месяц — март!..»	163
Монолог Чудака	165
Зов журавлиный	167
Ярмарка ветров (из поэмы)	169

Раим Хакимович Фархади
ПТИЦА РАДОСТЬ—ПТИЦА ГРУСТЬ

Стихи

Редактор *А. Р. Липкина*
Художественный редактор *В. С. Немировский*
Технический редактор *Е. В. Потапова*
Корректор *Э. Саидова*

ИБ № 655

Сдано в набор 9.10.78. Подписано в печать 01.03.79.
Формат 70x90^{1/32}. Печ. л. 6,75 Усл. печ. л 7,9 Уч.-
-изд. л. 6,04+0,17 вкл. Тираж 10000. Р 12608 Изда-
-тельство литературы и искусства имени Гафура
Гуляма. Ташкент, ул. Навои. 30, Договор № 118—78.

Типография № 1 Ташкентского полиграфического
производственного объединения «Матбуот» Госу-
-дарственного комитета УзССР по делам изда-
-тельств, полиграфии и книжной торговли на
бумаге № 1. Ташкент, ул. Хамзы, 21. Заказ
№ 621. Цена 1 р.

Фархади Раим.

Птица Радость — птица Грусть: Стихи, баллады, поэмы. — Т.: Изд-во лит. и искусства, 1979. — 216 с.

Шаги по родной земле. Зов беспокойного сердца. Мир чувств и стремлений нашего современника — все это живо и ярко предстает в новом поэтическом сборнике лауреата премии Ленинского комсомола Узбекистана Раима Фархади.

Книгу «Птица Радость — птица Грусть» завершают главы из поэмы «Ярмарка ветров» — о прощании с детством, о встрече с юностью, поиске своего места в жизни, о первой трепетной любви.

Ф $\frac{70304-54}{352(06)-79}$ 77-79

Уз2